

Автор бестселлеров *The New York Times*

Фероника
Сидвелл

ОПАСНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

ДЕАННА РЭЙБОРН

Деанна Рэйборн
Вероника Спидвелл.
Опасное предприятие
Серия «#YoungDetective»
Серия «Вероника Спидвелл», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42645212
Деанна Рэйборн Вероника Спидвелл. Опасное предприятие:
ISBN 978-5-17-113267-5

Аннотация

Лондон, 1887 год. В прогрессивном женском обществе «Клуб любопытных» юная искательница приключений Вероника Спидвелл знакомится с таинственной леди Сандридж. Высокородная дама просит Веронику о невыполнимой услуге – спасти известного мецената Майлза Рамсфорта, приговоренного к повешению за кровавое убийство своей возлюбленной – художницы Артемизии. На то, чтобы разыскать настоящего убийцу, у Вероники есть всего неделя, по истечении которой Рамсфорт будет казнен. Погружаясь в тайны аристократов и представителей лондонской богемы, Вероника и ее напарник Стокер быстро понимают, что угодили в поистине опасное предприятие...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	96
Глава 7	115
Глава 8	129
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Деанна Рэйборн
Вероника Спидвелл
Опасное предприятие

Deanna Raybourn

A PERILOUS UNDERTAKING

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

#YOUNG

DETECTIVE

Серия «#YoungDetective»

© Deanna Raybourn

© A PERILOUS UNDERTAKING

© All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

© Т. Артюхова, перевод на русский язык, 2019

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается читателям

«Я должна искренне предупредить тебя: не пытайся найти причину всего и объяснение всему на свете... Стараться найти всему причину очень опасно, это не ведет ни к чему, кроме расстройства и разочарования, приводит в беспорядок мысли и в конце концов делает тебя несчастным».

***Королева Виктория – своей внучке Виктории Гессен-Дармштадтской,
22 августа 1883 г.***

Глава 1

Лондон, сентябрь 1887 г.

– Ради всего святого, Вероника, ты должна ранить или убить его, а не пощекотать, – ехидно заявил Стокер и протянул мне нож. – Попробуй еще раз.

подавив вздох, я взяла нож и слегка сжала его так, как меня учили. Я повернулась к мишени и посмотрела на нее с таким напряжением, будто передо мной был разъяренный лев.

– Ты чересчур много думаешь. – Стокер скрестил руки на широкой груди и посмотрел на меня сверху вниз. – Весь смысл этих занятий – научить тебя быстро реагировать, а не думать. Когда жизнь в опасности, тело должно знать, что нужно делать, потому что в этот момент некогда задействовать мозг.

Не опуская клинка, я повернулась к нему.

– Позволь тебе напомнить, что я не раз и при разнообразных обстоятельствах оказывалась в смертельной опасности и тем не менее все еще стою перед тобой.

– Повезти может кому угодно, – холодно сказал он. – Подозреваю, что причина твоей удивительной живучести в со-

четании счастливых случайностей и невероятной вредности. Ты слишком упряма, чтобы умирать.

– Кто бы говорил! – возразила я. – Можно подумать, этот шрам у тебя на лице – от игривого укуса котенка.

Он поджал губы. Меня неизменно забавляло, что этого закаленного в странствиях по миру человека, который был и ученым, исследователем, натуралистом, и хирургом на флоте, и таксидермистом, так легко могла вывести из себя женщина вдвое меньше него. Тонкий серебристый шрам с одной стороны лица, от брови до подбородка, совершенно его не портил. Даже напротив. Но он был для Стокера постоянным напоминанием о провале амазонской экспедиции, погубившей его карьеру и брак и чуть не стоившей ему жизни. С моей стороны было не совсем честно заговаривать с ним об этом, но в последние дни мы начали сильно трепать друг другу нервы, поэтому ему и пришла в голову идея обучить меня боевым искусствам – это должно было избавить нас от дурного настроения. И это почти подействовало, в немалой степени потому, что я притворилась, будто ничего не смыслю в этой материи. Я не раз убеждалась: ничто не может сделать мужчину счастливее, чем возможность поделиться своими знаниями.

Стокер соорудил мишень в саду у нашего друга и благодетеля, лорда Розморрана, и мы решили устроить себе небольшой отдых от многочисленных дел в Бельведере. Расположенный на территории имения лорда Розморрана в Мэри-

лебон, Бишопс-Фолли, этот Бельведер был совершенно удивительным зданием. Он был построен как отдельный бальный зал, а стал хранилищем сокровищ эксцентричных предков нынешнего лорда. Он также прекрасно подходил для нашей задумки. Все Розморраны были неутомимыми коллекционерами и доверху набили лондонское имение, охотничий домик в Шотландии и загородное поместье в Корнуолле богатствами самого разнообразного свойства. Предметы искусства, артефакты, естественнонаучные экспонаты, сувениры – все попадало в жадные аристократические руки Розморранов. Спустя четыре поколения накопительства нынешний лорд решил, что пришло время сделать официальную постоянную экспозицию, и мне со Стокером было поручено заниматься организацией музея. Нам было вполне по силам справиться с таким заданием (к тому же недавно мы оба остались без крыши над головой и без постоянной работы), и это вдохновило графа приняться за дело серьезно. Первым шагом должна была стать подробная опись всего, что успели собрать лорды Розморраны. Утомительная, тяжелая, нудная, но совершенно необходимая работа. Прежде чем заказывать витрины, планировать первую выставку или вешать таблички, мы должны были разделиться с учетом того, с чем нам предстоит работать.

Естественно, вместо этого мы начали планировать очередную поездку. Июль и август мы провели, обсуждая экспедицию на юг Тихого океана, сидели над картами и весело

спорили о достоинствах разных мест с точки зрения моих интересов как лепидоптеролога и гораздо менее возвышенных интересов Стокера как охотника.

– Я стреляю зверей не ради собственного удовольствия, – возмутился он. – Просто собираю образцы для научного исследования.

– Это, несомненно, должно как-то утешать твои жертвы, – умильно заметила я.

– Твой моральный облик не намного лучше, моя маленькая убийца. Я видел, как ты сотнями убиваешь бабочек, прямо-таки голыми руками.

– Конечно, я могла бы сначала накалывать их на булавку, но я не сторонница пыток.

– Кто бы мог подумать, – пробормотал он. Я спокойно отнеслась к этой злой шутке, ведь я знала, на что дулся Стокер: наш патрон встал на мою сторону и выбрал для экспедиции острова Фиджи. Это место было истинным раем для лепидоптеролога, но не особенно интересным для того, кто изучает млекопитающих.

– Не ворчи. На Фиджи найдется немало образцов для твоего изучения, – сказала я Стокеру скорее из вежливости, чем потому, что считала это правдой.

Он смерил меня ледяным взглядом.

– Я был на Фиджи, – сообщил он мне. – Там летучие мыши и киты. Знаешь, кому интересны летучие мыши и киты? Абсолютно никому.

Я махнула рукой.

– Глупости. Местное население очень гордится милой маленькой летучей лисицей, она наверняка тебе понравится.

В приличном дневнике не стоит писать, что он мне на это ответил, но я будничным тоном добавила, что лорд Розморран собирается заскочить и в Саравак, раз уж мы будем в той части света. В отличие от Фиджи, в этом месте Стокеру найдется что изучать, от пантер до панголинов.

От этих слов он заметно повеселел, и к концу приготовлений любому стороннему наблюдателю уже вполне могло показаться, что направление для экспедиции выбирал именно Стокер. Он с большим энтузиазмом взялся за организацию, планируя все для собственного удобства (а я потом за его спиной переделывала все так, как было удобно мне). Все документы уже были в порядке, чемоданы собраны, и в Бишопс-Фолли воцарилась слегка беспокойная атмосфера ожидания. Нам осталось только отправиться в путь, и лорд Розморран начал долгую процедуру прощания с домом, детьми, сестрой, со штатом прислуги, с любимыми питомцами. Именно это занятие и привело нас к катастрофе.

Возвращаясь с прогулки из той части сада, где у него размещалась коллекция змей, его светлость умудрился споткнуться о гигантскую черепаху Патрицию, существо невообразимых размеров, которая так медленно ползала по саду, что ее уже не раз принимали за мертвую. Я так и не разгадала загадку, как можно было споткнуться о создание, чьим

ближайшим родственником был разве что валун, но эта тайна была не главной нашей заботой. Лорд получил сложный перелом бедра, болезненную и совершенно отвратительную травму, на лечение которой, как уверил меня Стокер, уйдет много месяцев. Ему достаточно было лишь взглянуть на торчащую из раны кость, чтобы безошибочно определить дальнейшие действия, и он попросил меня проследить за распаковыванием чемоданов. Экспедиция Розморрана – Спидвелл – Темплтон-Вейна официально была отменена.

Стокер, как обычно, оказался совершенно незаменим в минуту кризиса, но вскоре личные доктора графа узурпировали право лечения его светлости, а нам оставалось только засесть в Бельведере и от разочарования подшучивать друг над другом. Мы так мечтали вновь оказаться на борту корабля, почувствовать, как морской бриз уносит вдаль скучный английский воздух, и ощутить призыв тропических морей, ветров, наполненных удивительными ароматами, и неба, усыпанного звездами. Но вместо этого оба, как глупые наездки, остались в курятнике, высиживать свои разбившиеся мечты. И возможность навести порядок в Бельведере не смогла вернуть нам доброе расположение духа, хотя, должна отметить, Стокер досадовал на обстоятельства гораздо дольше, чем я. Но по опыту я знала, что мужчины могут дуться бесконечно, если только не указать им прямо на то, как называется такое поведение. И вот именно в такую минуту сильного возмущения Стокеру пришло в голову обучить ме-

ня приемам самообороны (это было понятно, учитывая множество опасных ситуаций, в которых нам с ним довелось побывать).

– Замечательная идея, – с воодушевлением ответила я. – Из чего будем стрелять?

– Я не дам тебе огнестрельное оружие, – решительно отказался он. – Оно шумное, ненадежное, его легко вырвать из рук и обратить против тебя самой.

– Как и нож, – проворчала я.

Он сделал вид, что не услышал меня, и достал клинок, который обычно носил в сапоге. Поставил мишень – старый портновский манекен, который откопал где-то в недрах Бельведера, и со снисходительностью, ужасно меня раздражавшей, принялся учить, как его убивать.

– Всего одно плавное движение, Вероника, – в сотый раз повторил он. – Не сгибай запястье и думай, что нож – это продолжение твоей руки.

– Совершенно бесполезная информация, – сообщила я, в очередной раз наблюдая обычную картину: нож отскочил от живота манекена и воткнулся в траву.

Стокер достал его и снова протянул мне.

– Попробуй еще раз, – приказал он.

Я опять бросила нож, который теперь коснулся головы манекена, а Стокер в это время рассказывал, чем привлекательны разные части мишени.

– Шея – приятная, мягкая, но тонкая и не очень надеж-

ная цель. Если нужно обездвигить человека, лучше метить в бедро. Хороший удар в ногу задержит его, а если удастся задеть бедренную артерию, то он остановится раз и навсегда. Можешь попробовать попасть в желудок, но если парень будет тучным, нож просто застрянет у него в жировом слое и только разозлит его.

Он поучал меня не меньше часа, но я не особенно его слушала, больше предавалась собственным мыслям, снова и снова бросая нож с разной силой и степенью успешности.

– Вероника, – вдруг закричал он, когда нож пролетел и вовсе мимо манекена, – это еще что за чертовщина?!

Покраснев от возмущения, он поднял клинок и вручил его мне. Причиной его расстройства стало внезапное появление сестры его светлости, леди Корделии Боклерк. Я повернулась и помахала ей ножом.

– Простите Стокеру его несдержанность, леди К. Он сейчас в ужасном состоянии. Дуется с тех пор, как его светлость сломал ногу. Как сегодня себя чувствует пациент?

Заметив мрачный взгляд Стокера, я подчеркнуто осторожно опустила нож.

– Его немного лихорадит, но доктор говорит, что он крепок как бык, хотя по его внешнему виду этого не скажешь, – ответила она с улыбкой. И это была чистая правда. Его светлость выглядел как библиотекарь в последней стадии анемии: бледный и сгорбленный от долгих лет сидения над книгами. Но главное дело тут в наследственности, а она у Бо-

клерков была отменной. От леди К. всегда веяло здоровьем: по-английски бледно-розовый цвет лица, стройная фигура. Но сейчас, присмотревшись к ней повнимательней, я заметила непривычно нахмуренные брови, да и щекам ее явно не хватало обычного здорового цвета.

– Кажется, вы совсем выбились из сил, ухаживая за ним, да еще и занимаясь хозяйством, – заметила я.

Она покачала головой.

– Конечно, сейчас все немного вверх дном, – призналась она. – Доктор вызвал нам профессиональных медсестер с проживанием, чтобы ухаживать за его светлостью, и, боюсь, миссис Баскомб не слишком по душе лишняя работа – присматривать еще и за ними.

Меня это не удивило. Экономка его светлости напоминала мне незрелую айву – пухлая, но кислая. А леди К. продолжала:

– К тому же сейчас как раз нужно собирать мальчиков в школу, а у девочек новая гувернантка, и ей нужно еще ко всему привыкнуть.

– Временно, – пробормотал Стокер.

Девочки из семьи Боклерков славились тем, что с легкостью прогоняли всех незадачливых гувернанток хорошо спланированными истериками или пауками в постели. Жаль, что никто не рассказал им, насколько эффективен может быть сироп из инжира¹, добавленный в утренний чай, но я

¹ Обладает слабительным и мочегонным действием. – *Здесь и далее примечания*

была не вправе учить их дурным манерам.

Леди Корделия улыбнулась своей доброй улыбкой.

– Временно, – согласилась она. – Но сегодня, кажется, все идет своим чередом – настолько, что я решила нанести визит в «Клуб любопытных».

Я вся обратилась в слух. Официально известное как клуб «Ипполита», это было удивительное место, созданное для свободного общения одаренных дам, чтобы общественные предрассудки не ограничивали им темы для обсуждения. И хотя основной смысл существования клуба заключался именно в этом, но, как и большинство благородных заведений такого рода, он был закрыт для внешнего мира из-за множества запутанных правил и законов. Леди Корделию допустили туда благодаря серии сильных статей по высшей математике, и было приятно видеть, что ее таланты (которые ей зачастую приходилось тратить на споры с миссис Баскомб о счетах из бакалейной лавки) смогли привести ее в круг общения с людьми, способными по достоинству оценить ее ум. Семья считала ее какой-то фокусницей, которая может показывать трюки с цифрами, в одном ряду с медведем, танцующим вальс. В ее серьезных, спокойных глазах никогда нельзя было прочесть разочарования, которое она, несомненно, чувствовала оттого, что ее так часто недооценивали и игнорировали, пусть даже по-доброму и не желая обидеть, но во мне было достаточно возмущения для нас обеих.

Леди Корделия ласково на меня взглянула.

– Вы очень мужественно держитесь, но я понимаю, как вы должны быть расстроены тем, что сейчас вы все не на полпути в экспедицию, – начала она.

– Ну что вы, – возразила я. Вообще-то, у меня не было привычки лгать, но ведь в том, что экспедиция не удалась, не было вины леди К., к тому же она всегда относилась ко мне с невероятной добротой. Я чувствовала в ней если не родственную душу, то, по крайней мере, дружественную.

– Прекрасно врите, – мягко заметила она. – Но вы исследователь, мисс Спидвелл. Я слышала, как увлеченно вы рассказываете о своих путешествиях, и понимаю, как вам нравится чувство охотника.

– Да, пожалуй, – неопределенно ответила я.

Она продолжала.

– Знаю, у вас здесь много работы, но я подумала, может быть, вам будет интересно посетить клуб в качестве моего гостя. Сменить обстановку, чтобы поднять себе настроение, – добавила она, взглянув на Стокера.

Я усмехнулась.

– Чтобы поднять всем настроение, гораздо полезнее было бы взять его. Но я признательна вам за приглашение. И буду рада пойти с вами.

Морщинка у нее между бровей разгладилась, хотя при этом мне показалось, что она даже более напряжена, чем до того, как я приняла приглашение.

– Что ж, прекрасно. Вам нужно немного времени, чтобы собраться. Я буду ждать вас на подъездной аллее.

Я удивленно заморгала.

– Сейчас?

– Да. Я подумала, что мы можем поехать туда на чай.

Затем она окинула взглядом мой рабочий костюм и мягко предложила:

– Может быть, вы захотите сменить наряд?

Я посмотрела на огромный холщовый фартук, закрывавший меня всю, от шеи до щиколоток. Это и правда был совершенно неподходящий предмет гардероба, к тому же со следами краски, крови, пыли и профитроля, которым сегодня запустил в меня Стокер. Я быстро сняла этот неприличный фартук и осталась в простом красном фуляровом платье. Его никак нельзя было назвать модным, но я готова была пренебречь любой модой, предпочитая заказывать себе одежду, соответствующую моим потребностям, а не капризам богатых бездельниц. Единственной данью новым веяниям была узкая юбка со скромным турнюром.

Леди Корделия рассеянно мне улыбнулась.

– Уверена, это прекрасно подойдет.

Она запнулась и посмотрела на мои волосы, будто собираясь сказать что-то еще, но ничего не добавила и ушла так же быстро, как появилась.

Я повернулась к Стокеру, заправляя непослушные локоны в пышный узел Психеи у себя на затылке. Злорадно улыбнув-

шись, я развернулась и одним быстрым движением запустила нож, который вонзился точно между глаз нашей мишени.

– Я отправляюсь пить чай в «Клуб любопытных», а ты уж, пожалуйста, позаботься тут о манекене.

Глава 2

Я удобно устроилась напротив леди Корделии в одном из городских экипажей Боклерков под пристальным взглядом ее камеристки Сидони, которая сердито смотрела на нас из окна верхнего этажа Бишопс-Фолли.

– Я думала, Сидони сопровождает вас во время всех выездов, – заметила я.

Леди Корделия разгладила черную шелковую юбку с подчеркнуто спокойным выражением лица.

– Сегодня мне не требуется помощь Сидони. Она временами ведет себя неосмотрительно.

Я с интересом приподняла бровь.

– А в «Клубе любопытных» нужно быть осмотрительными?

Кажется, сама того не желая, леди К. улыбнулась.

– Да, зачастую.

Мне показалась, что она не расположена к беседе, но я почувствовала себя обязанной обсудить с ней один вопрос.

– Не знаю, подумали ли вы о возможных последствиях появления со мной на публике, – начала я.

– А какие могут быть последствия?

Я подавила смешок.

– Мы обе знаем, насколько моя жизнь чужда всех условностей. Может быть, я говорю и выгляжу как леди, но мой

образ жизни вывел меня далеко за рамки приличий. Я путешествовала в одиночку, не замужем, живу без компаньонки и сама зарабатываю себе на жизнь. Все это неприемлемо для леди, – напомнила я ей. В этом перечислении я опустила свои самые вопиющие преступления. Делом принципа для меня было выбирать любовников очень осторожно, совершенно не трогая англичан и развлекаясь только за границей. Таким образом, очень мало слухов о моем дурном поведении достигло Англии, но никогда нельзя быть уверенной, что один из этих милых ребят не падет жертвой неосмотрительности и *не раскроет все*.

– Общество ведет себя намеренно глупо, – ответила она, решительно вздернув подбородок. Я знала это выражение лица. Мы были знакомы всего несколько месяцев, но я поняла, что леди Корделия при желании способна проявить непреклонную решительность. А ее высокое положение, несомненно, могло оградить ее от самых ужасных сплетен.

Я устроилась поудобнее, а кучер умело вел экипаж по неожиданно потемневшим улицам. Начиналась уже совсем осенняя гроза, на город напоззли низкие тучи, полил дождь, и, добравшись до «Клуба любопытных», мы с радостью взглянули на гостеприимно светящиеся окна. Это было скромное, высокое и изящное строение, стоящее в ряду множества подобных. С виду оно могло показаться просто жилым домом, но под звонком была прибитая маленькая красная табличка с названием клуба и девизом: *Alis volat propriis*.

– «Она летает на собственных крыльях», – перевела я.

Леди Корделия улыбнулась.

– Подходящие слова, не так ли?

Не успела она коснуться двери, как та сама отворилась нам навстречу, и на пороге появилась привратница в одежде из красного плюша, с золотым шелковым платком на голове.

– Леди Корделия, – уважительно произнесла девушка. Она была африканского происхождения, с врожденной элегантностью движений, которые я всегда замечала в жителях во время путешествий по этому континенту, но речь выдавала в ней человека, родившегося и выросшего в Лондоне.

– Добрый день, Хетти. Это моя гостья, мисс Спидвелл.

Хетти поклонилась.

– Добро пожаловать в клуб «Ипполита», мисс Спидвелл.

Она вновь повернулась к леди Корделии, а служанка побежала забрать наши мокрые плащи. Хетти открыла толстую книгу в кожаном переплете и протянула перо леди Корделии.

– Флорри позаботится о том, чтобы просушить и почистить ваши вещи, пока вы здесь. Леди Сандридж ожидает вас в курительной комнате.

Я вопросительно взглянула на леди К., но она быстро покачала головой.

– Не сейчас, – тихо сказала она. Я заключила, что на самом деле у нашего визита в клуб была некая определенная цель. Неожиданно у обещанных пирожных и чая прибавился новый вкус.

Девушка по имени Флорри быстро удалилась, бодро шурша накрахмаленными нижними юбками, а леди Корделия взяла ручку и одним росчерком пера внесла наши имена в книгу. Я осматривалась, чтобы получить первое впечатление от клуба. Он был меньше, чем я ожидала, почти домашний, обставлен в очень сдержанной манере, что должно было создавать ощущение расслабленности. На окнах – алые бархатные гардины почти такого же цвета, как красное плюшевое платье Хетти, на полу – ковры со спокойным орнаментом, турецкие, подобранные с большим вкусом, достаточно толстые, чтобы приглушать звуки шагов. Все стены увешаны фотографиями, картами, чертежами и памятными знаками, рассказывающими о достижениях членов клуба. Здесь был проведен газ, но, бросив быстрый взгляд в просторную гостиную, я заметила камин с весело потрескивающими поленьями. И услышала приглушенный гул женских голосов; шло обсуждение, то и дело прерываемое взволнованными восклицаниями и свободным смехом. Я не могла не удивиться такому поведению.

– Споры и живое общение приветствуются в «Клубе любопытных», – сказала мне Хетти, улыбнувшись. Но, несмотря на радушный прием, оказанный нам Хетти, настроение леди Корделии, казалось, изменилось в худшую сторону. Пока мы поднимались вверх по лестнице и потом шли по коридору к закрытой двери с надписью «Курительная комната», все ее обычное спокойствие куда-то улетучилось, а между

бровей вновь залегла морщина.

Она тихо постучала и в ожидании ответа бросала на меня беспокойные взгляды, но вот мы услышали бодрое и властное «войдите».

Леди К. открыла дверь, и мы попали в небольшую красивую комнату, обставленную в том же стиле, что и передняя на первом этаже. По стенам были развешаны карты в рамах, полки уставлены книгами, а на столе под окном красовались глобусы небесной сферы и земного шара вперемежку с отборными орхидеями в горшках. По комнате было расставлено несколько удобных кожаных кресел, таких же, какие бывают в мужских клубах, и в одном из них сидела дама, одетая неброско, но очень дорого. Она медленно поднялась нам навстречу и остановила на мне откровенно изучающий взгляд.

Леди К. познакомила нас.

– Леди Сандридж, позвольте представить вам мисс Спидвелл. Вероника, это леди Сандридж.

Леди Сандридж долго ничего не говорила. Она просто стояла с невозмутимым спокойствием, будто фигура в живой картине. Но хотя тело ее и не двигалось, взгляд так и блуждал, переходя с моего лица на руки и обратно, будто в поисках чего-то, мне неизвестного.

Как человек более высокого положения она должна была сделать первый шаг. Ее задачей было как-то признать меня, и раз ей было приятно играть в молчанку, я была не против. Я спокойно смотрела на нее, отметив тонкие скулы и высо-

кую стройную фигуру, которую она держала с большим достоинством. Ее руки были увешаны драгоценностями, камни постоянно сверкали в огненных бликах от камина.

Наконец она заговорила.

– Знаю, время суток обязывает пить чай, но я приготовила кое-что более бодрящее.

Она указала на низкий столик перед огнем. На нем стояла чаша с горячим пуншем, источавшая густой аромат рома и специй; и я взяла из ее рук предложенный мне бокал. Она смотрела, как я пью, одобрительно кивая.

– Вы не стесняетесь крепких напитков.

– Я почти ничего не стесняюсь, леди Сандридж.

Ее красивые глаза на секунду расширились.

– Рада это слышать. Я попросила леди Корделию привести вас в клуб, чтобы иметь счастье познакомиться с вами лично. В определенных кругах вы знамениты.

– Что же это за круги, миледи?

Если мое смелое обращение и удивило ее, то она быстро справилась с эмоциями и слегка пожалала плечами, извиняя мое поведение.

– Конечно, лепидоптерологи. Знаю, вы торгуете бабочками и публикуете статьи, не афишируя этого, но если захотеть, несложно поднять эту завесу анонимности.

– А почему вы этого захотели? Вы коллекционер?

Она издала низкий гортанный смешок.

– Я многое коллекционирую, мисс Спидвелл. Но, увы, не

бабочек.

– Наверное, людей?

Она развела руками.

– Вы меня поражаете, мисс Спидвелл. Уже составили обо мне свое мнение, – добавила она. Во время нашего разговора я обратила внимание на ее движения, изящные и продуманные, и на голос, мягкий, как медовый виски, с едва уловимым немецким акцентом. Мне подумалось, что она должна казаться мужчинам невероятно привлекательной и что прекрасно знает об этом.

– А почему бы и нет? Вы ведь тоже составили свое обо мне, – полушутливо ответила я.

Мы в некотором роде совершали легкие выпады, как фехтовальщики, осторожно касаясь противника, чтобы обнаружить слабые места в его обороне, но я никак не могла понять, зачем мы это делаем. Если только она не испытывала ко мне какой-либо профессиональной зависти, у нас с ней не было причин для спора. И все же было очевидно, что леди Сандридж пытается разобраться в том, кто я такая. То, что она занималась этим в присутствии леди Корделии, было еще удивительнее, а леди Корделия, явно ожидавшая такого развития событий, тихо сидела в кресле, потягивая пунш, пока мы с леди Сандридж ходили кругами, как пантеры, приглядываясь друг к другу.

– Вы очень прямолинейны, – сказала она наконец. – Это может быть неудобно.

– Только для тех, кому нужны уловки.

Я услышала какой-то приглушенный звук и поняла, что это леди Корделия закашлялась над своим пуншем, но была ли причиной тому крепость рома или моя откровенность, я не поняла.

Леди Сандридж внимательно посмотрела на меня взглядом, характер которого мне было сложно определить: оценивающим, неодобрительным, завистливо-уважительным?

Я глотнула еще пунша.

– Поздравляю вас, миледи. Я наслаждаюсь этой беседой гораздо больше, чем ожидала. Обычно я по возможности избегаю женских компаний.

– Вы считаете представительниц своего пола скучными?

– Несомненно. Наше воспитание лишает нас здравого смысла, любопытства и настоящего достоинства. Из нас делают красивые предметы, которые не стыдно выставить на обозрение, иногда мы бываем нужны для деторождения и добрых дел, но не более того.

– Вы к нам строги, – заметила леди Сандридж.

– Я ученый, – напомнила я ей. – И строю свои гипотезы на основе наблюдений.

Она неохотно кивнула.

– Да, вы к нам строги, но вы правы. Женщины часто бывают утомительны, но не в этом месте. Здесь вы найдете себе подобных.

– Я здесь всего лишь гостя, – сказала я.

– Да, конечно, – последовал ответ.

Я допила пунш и аккуратно поставила бокал обратно на стол, а затем заговорила.

– И как бы ни приятна мне была эта беседа, не кажется ли вам, что пора переходить к основной цели нашей встречи?

Леди Сандридж прищурилась.

– К какой цели?

Я слегка поклонилась.

– Думаю, вы хотите задать мне несколько вопросов, ваше высочество.

Глава 3

Тишину, повисшую в комнате, казалось, можно было по-трогать руками. Потом леди Корделия вновь закашлялась и вскочила с кресла. Леди Сандридж повелительным жестом велела ей сесть.

– Все хорошо, Корделия. Не нужно было и пытаться обмануть мисс Спидвелл. Меня предупреждали, что ее нельзя недооценивать. А сейчас, я уверена, вам нужен стакан воды, чтобы унять кашель, а нам с мисс Спидвелл пора поговорить с глазу на глаз.

В тот же миг леди Корделия присела в глубоком реверансе и удалилась, успев перед уходом бросить на меня внимательный взгляд. Я сидела, ничего не говоря, используя молчание против леди Сандридж так же ловко, как она использовала его против меня в самом начале нашей встречи.

– Вы знаете, кто я? – начала леди Сандридж.

– Я знаю, что вы дочь королевы Виктории. Но не могу с уверенностью сказать, которая: у вас очень сильное сходство с сестрами.

Надежда этой леди сохранить инкогнито в данной ситуации была мне совершенно непонятна и казалась крайне наивной. Это была наиболее часто появляющаяся на снимках семья во всей империи, и буквально дня не проходило без того, чтобы их фотографии не напечатала одна из газет. К

тому же они все были похожи друг на друга, и тем легче было понять, что это кто-то из семейства.

Она неожиданно улыбнулась.

– Угадайте.

Я задумалась, рассматривая ее изящное лицо, красивый костюм, сильные руки, сложенные на коленях будто в молитве.

– Луиза.

– С первого раза. Как вы узнали?

Я пожала плечами.

– Старшая – кронпринцесса прусская, вряд ли она сейчас в Лондоне. Принцесса Алиса умерла уже лет десять назад. Принцесса Елена часто болеет, а вы кажетесь совершенно здоровой. Принцесса Беатриса ждет ребенка в следующем месяце, а вы стройны как ива. Ну и ваши руки, конечно.

– Мои руки? – Она пошевелила длинными узкими пальцами, так что кольца снова засверкали в свете от камина.

– Я слышала, что ваше высочество – скульптор. У вас прекрасные руки, но на них видны следы работы с инструментами.

Она откинулась в кресле, соединив пальцы под подбородком.

– Я впечатлена.

– На это нет никакой причины, – возразила я. – Для человека моей профессии это немногим сложнее, чем обычный салонный трюк. Скажите, знаете ли вы, почему лепидопте-

рологам так важно научиться выслеживать птиц? – спросила я ее.

От неожиданности она заморгала.

– Птиц?

– Птицы – враги лепидоптерологов. Они съедают гусениц до того, как те успевают превратиться в бабочек, а нам этот процесс совершенно необходим, чтобы добывать образцы. Но мы научились играть в их игры лучше них самих. Было замечено, что некоторые виды птиц умеют выслеживать гусениц по объединенным листьям. Девиз лепидоптеролога: «Следуй за птицей – найдешь гусеницу». Тонкости и детали – самое важное в этом преследовании.

– И вы всегда добиваетесь успеха в такой охоте? – в голосе принцессы послышался вызов.

– Только дурак станет заявлять, что он всегда добивается успеха. Но я в этом деле лучше большинства.

– От этого многое зависит, – медленно сказала она и подалась вперед. – Мне говорили, что у нас свами есть общий друг – сэр Хьюго Монтгомери. Думаю, вы помните, что знакомы с этим джентльменом?

Я кивнула. Сэр Хьюго, глава Особого отдела Скотланд-Ярда, сыграл довольно важную роль в нашем со Стокером прошлом приключении.

– Да, конечно.

– Он тоже вас помнит. Прекрасно, я бы сказала. Кажется, в последней с ним беседе вы дали понять, что готовы оказы-

вать помощь королевской семье, если нам таковая понадобится.

– У меня остались немного другие воспоминания, – резковато ответила я.

Сэр Хьюго пытался, попросту говоря, купить меня. Он предложил мне существенную сумму в обмен на мое молчание по вопросу, который мог принести ощутимую боль королевской семье и стать причиной скандала, если бы я решила сделать его достоянием публики. То, что ему было недостаточно моего слова, просто вывело меня из себя, и, естественно, я решительно отвергла эти деньги. Но сэр Хьюго предупредил меня, что в таком случае королевской семье в будущем могут понадобиться определенные доказательства моей благонадежности; оказывается, время уже пришло.

Ее высочество взмахнула рукой, и бриллианты на ней засверкали.

– Не так важно, как именно это формулировать, но я изучила вас, мисс Спидвелл. Кажется, я прекрасно понимаю ваш характер. На самом деле я могу пойти дальше и сказать, что у нас с вами много общего.

– Правда? Говорят, наследственность очень важна.

Она вздрогнула. Ей не понравилось, что я упомянула хранимый мною секрет. Она поджала губы и все-таки улыбнулась. Принцесс учат быть сдержанными и вежливыми, и она хорошо усвоила эти уроки.

– Мисс Спидвелл, если вы знаете, что я принцесса Луиза,

то вы также должны знать, что я замужем за Джоном Кэмпбеллом, маркизом Лорном, наследником герцога Аргайла.

– Зачем же вам псевдоним, леди Сандридж?

Она пожала плечами.

– Вы и сами убедились на примере своей работы, что анонимность может быть полезна. Я хотела познакомиться с вами так, чтобы мое положение не оказывало на вас давления, по крайней мере, вначале.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

– Положение принцессы или моей тетки?

Я не видела смысла в том, чтобы ходить вокруг да около. Я сдержала слово, данное сэру Хьюго: никому не открывать запутанную историю моего рождения. Но принцесса, очевидно, знала, кто я такая: непризнанная дочь ее старшего брата, принца Уэльского. Одно это уже могло стать оскорблением для королевской семьи; а тот факт, что в определенных кругах я вполне могла быть признана законнорожденной, и все делал меня опасной. Насколько опасной, мне еще предстояло увидеть. С тех пор как мне открылись обстоятельства моего рождения, мы сохраняли позиции вооруженного нейтралитета, ни одна сторона не предпринимала действий против другой, но и не совершала шагов навстречу. Тот факт, что один из представителей семейства сделал первую попытку, давал мне преимущество, и я решила им воспользоваться.

Губы Луизы снова сжались.

– Ситуация крайне сложная, и я не имею к ней никакого отношения. Надеюсь, вы будете помнить об этом.

Принцесса сильно сжала руки и замолчала, и я вдруг поняла, в чем дело.

– Вам нужна моя помощь.

Она медленно кивнула и стала тереть украшение у себя на руке: золотой браслет с сердцем из черной эмали, на блестящей поверхности – жирные золотые буквы, увенчанные короной. Она заметила, куда я смотрю, и протянула руку. Я рассмотрела, что у черного сердца белая кайма, а на поверхности выгравированы две буквы «Л».

– Подарок от ее величества по случаю кончины моего брата Леопольда, умершего три года назад. Он был милым мальчиком, моложе меня на пять лет. К несчастью, с самого детства был очень болезненным. Сложно представить себе все его мучения – бедное хрупкое тельце! Но он переносил все это с такой добротой. Казалось, никогда не сможет вести жизнь обычного мужчины, но он нашел свое истинное счастье. Знаете, женился на германской принцессе, и у них были дети. Отцовство стало главной радостью его жизни. Он так надеялся, что сможет победить болезнь. Но судьба бывает жестока. Ужасно было потерять его таким молодым – ему было всего тридцать. Он был ненамного старше, чем вы сейчас, мисс Спидвелл.

О, это было прекрасно придумано. Даже не признавая обстоятельств моего рождения, она причислила меня к семье,

взвывая к жалости по отношению к дяде, с которым я даже не была знакома. По этой причине я и восхитилась ею, и возмутилась. И вдруг поняла, что совершенно не хочу играть в ее игры.

– Чего вы от меня хотите, ваше высочество?

Будто почувствовав мое настроение, она подалась вперед и вновь сжала руки.

– Я в отчаянии, мисс Спидвелл. И мне больше не к кому обратиться.

– В чем ваша беда?

Она развела руками.

– Не знаю даже, с чего начать.

Я ничего не сказала. Я могла бы подбодрить ее, попытаться вытянуть из нее рассказ, по крайней мере, вначале, но я странным образом ощущала некое возмущение, а потому держала язык за зубами, предоставив ей самой поведать мне свою историю.

– Одна из моих ближайших подруг мертва, – наконец выговорила она.

– Мои соболезнования, – начала я.

Она нетерпеливо махнула рукой.

– Я уже смирилась с ее смертью. И пришла сюда не ради нее.

Она замолчала, устремив на меня решительный взгляд.

– Вы знакомы с делом Рамсфорта?

Я совершенно не ожидала этого вопроса. Дело Рамсфор-

та волновало газеты вот уже несколько месяцев. Оно было простым, но скандальные обстоятельства гарантировали ему бурное обсуждение в прессе.

– Я знаю о нем очень мало.

– Тогда позвольте мне вам его вкратце изложить. Майлз Рамсфорт был обвинен в убийстве своей любовницы, художницы по имени Артемизия.

– Вашей подруги? – предположила я.

Ее губы задрожали, но она быстро справилась с эмоциями.

– Да. Она была блестящей художницей, и мистер Рамсфорт пригласил ее, чтобы создать настенную роспись в его имении Литтлдаун в Суррее. Они были знакомы и до начала этой работы, но, пока она жила в его доме, стали любовниками, и вскоре Артемизия забеременела. Она была уже на четвертом-пятом месяце, когда завершила роспись.

Она ненадолго замолчала, будто набираясь сил, чтобы закончить рассказ.

– Мистер Рамсфорт устроил торжественный прием по случаю окончания работы у себя в Литтлдауне и пригласил туда многих людей из мира искусства, в том числе и меня. Во время праздника Артемизия была убита. Мистер Рамсфорт первым нашел ее, но, к несчастью для него, его обнаружили в собственной спальне с мертвым телом на руках, его одежда вся пропиталась ее кровью. Она была мертва совсем недолго, может быть, полчаса. Он не смог обеспечить себе алиби,

и этот факт в сочетании с беременностью Артемизии дал полиции основания полагать, что именно он лишил ее жизни.

– Но по какой причине? – спросила я, уже непроизвольно заинтересовавшись этой историей.

– Мистер Рамсфорт женат, – холодно ответила она. – Полиция считает, что он решил избавиться от нее и ребенка до того, как жена обо всем узнает. У защиты были буквально связаны руки, ведь он не готов был признаться, где находился в момент убийства, его сочли виновным и приговорили к смерти. Он будет повешен на следующей неделе.

Я поджала губы.

– Это, несомненно, очень захватывающая история, ваше высочество, но я никак не могу понять, какая роль в ней отведена мне.

– Майлз Рамсфорт не убивал Артемизию! – вскричала она; ее железное самообладание разом покинуло ее. Она сжала кулаки так, что все драгоценные камни вонзились ей в руки.

– Откуда вы знаете?

– Не могу сказать, – ответила она, упрямо наклонив голову. – Я разрушу несколько судеб, если не промолчу.

– Это важнее самой человеческой жизни? – спросила я.

– Я не стану слушать дерзких вопросов, мисс Спидвелл, – сказала она. – Никто лучше меня не знает, что нужно делать.

– И что же нужно делать?

– Вы должны найти убийцу.

Я уставилась на нее, на секунду задумавшись, кто из нас сошел с ума.

– Вы шутите?

– Нет, не шучу. Жизнь человека, *невинного человека*, находится в ваших руках.

– Ничего подобного, – решительно возразила я. – Если у него есть алиби, пусть он его предоставит. Если он действительно невиновен, то, какие бы ужасы ни открыла правда, ничто не может быть хуже смерти.

– Вы бы так не говорили, если бы знали, – сказала она, и внезапно ее глаза наполнились слезами. Я могла бы встать и откланяться, уйти из этой комнаты и из ее жизни так же быстро, как и пришла сюда, забыть то, о чем она меня попросила, и никогда больше о ней не думать. Если бы не эти слезы. Ее выдержка, ее королевская кровь, ее положение – ничто из этого ей сейчас не помогло, и теперь она была просто страдающей женщиной. Она стояла на краю какой-то невообразимой пропасти, и это я могла понять. Я тоже видела пропасть.

– Тогда расскажите мне, – надавила я.

– Не могу, – сказала она, покачав головой. – Мисс Спидвелл, я знаю, что зашла совершенно не с той стороны. Новы должны понять: я хочу справедливости для них обоих. Артемизия была моей подругой, и Майлз – мой друг. Она не была для него обузой, он любил ее! Но он скорее сойдет в могилу, чем расскажет правду и погубит еще несколько жизней, и это

достойно уважения. Неужели вы не видите все благородство его поступка?

– Я вижу всю глупость этого поступка, – ответила я, но без прежней враждебности. Должно быть, она это почувствовала, потому что вдруг подалась вперед и накрыла мои руки своими. Ее руки, руки скульптора, были сильными и теплыми, и, посмотрев на них, я поняла, что впервые за мою сознательную жизнь до меня дотронулась моя кровная родственница. Я также поняла: она прекрасно осознает, что делает, и собирается сыграть на моем одиночестве, моей инаковости. Они никогда не признают меня одной из них, но она решила поманить меня этой возможностью, как будто карпа наживкой. Для меня это могло быть как соблазнительно, так и опасно.

– Мисс Спидвелл, Вероника, – мягко сказала она, – пожалуйста, сделайте это для меня. Я не имею никакого права вам приказывать, поэтому я вас прошу. Сэр Хьюго не станет меня слушать. Он знает, что расследование провели плохо. Но для столичной полиции будет оскорблением признать, что они ошиблись. Его вполне удовлетворяет то, что Майлза за это повесят, но если это действительно произойдет, случится ужасная несправедливость, которой вы в состоянии не допустить. Сможете ли вы спать спокойно, если даже не попытаетесь все исправить?

Я колебалась, а она, обладая безошибочным охотничьим чутьем, нанесла последний удар.

– Я не буду обижать вас разговором о деньгах. Сэр Хьюго рассказал мне, как вы горды, и я это понимаю. Но я все же могу кое-что предложить вам за ваши услуги.

– Что? – спросила я.

Она сильнее сжала мои руки.

– Вашего отца.

Я резко выдернула руки.

– Мне ничего не нужно от принца Уэльского.

– Я знаю, – сказала она мягко, но коварно, пытаюсь убедить меня. – Но неужели вам даже не интересно? Вам не хотелось бы встретиться с ним лицом к лицу? Я могу это устроить. Он согласится на это ради меня. Подумайте: это шанс посидеть с ним рядом и спокойно поговорить – с отцом, которого у вас никогда не было. И это в обмен на то, что вы зададите разным людям несколько вопросов. Мне кажется, это честная сделка.

Я посмотрела на нее долгим испытующим взглядом. Я сделаю то, о чем она просит, – мы обе это знали. Она думала, что убедила меня разговорами о семье и моем отце, но я решила ей помочь не из-за этого. Ненависть, оказывается, может быть не менее сильным стимулом, чем более благородные чувства.

А потому я ей улыбнулась, скрыв в этой улыбке сотню разных смыслов, и откинулась в кресле.

– Ну хорошо, расскажите мне все подробнее.

Принцесса Луиза немного помолчала, и я ощутила ее об-

легчение. Теперь, когда я согласилась играть по ее правилам, она отбросила почти все притворство и заговорила искренне.

– Я всегда старалась исполнять свой долг по отношению к семье и стране, – медленно начала она. – Но как вы и сами заметили, я художник. И как художник я всегда настаивала на том, чтобы иметь право заводить друзей среди себе подобных. Клетка, в которой я жила всю жизнь, может быть, и позолоченная, но все же клетка, – продолжала она, скривив губы в тонкой невеселой улыбке. – И я не раз билась до крови о ее прутья. Со временем я добилась некоторых послаблений, среди них – моя работа и друзья. Артемизия была одной из самых близких подруг.

– Любопытное имя.

По ее лицу было видно, что она погрузилась в воспоминания.

– Это псевдоним. На самом деле ее звали Мод Эресби. Ей казалось, что оно слишком приземленное для художника, и она выбрала себе другое. Вы знакомы с творчеством Артемизии Джентилески?

– Нет.

Она пожала плечами.

– Мало кто знаком, и это очень печально. Она была художницей итальянской школы барокко, последовательницей Микеланджело. В своих работах она часто изображала женщин: Юдифь, Вирсавию, Далилу. От ее картин веет силой и

решительностью. Моя Артемизия стремилась к тому же, потому и взяла ее имя.

– Как вы с ней познакомились?

– Полагаю, вам знакомо имя сэра Фредерика Хэвлока?

Едва ли во всей Англии был человек, не знавший этого имени. Самый утонченный художник нашего времени, прославленный изысканными композициями и свободным, неожиданным обращением с цветом. Он основал новую художественную школу, решительно английскую и абсолютно современную, с влияниями эстетизма и неоклассицизма. Он также был известен дурным характером и затворничеством, предпочитая обществу компанию преданных учеников, которые жили с ним в Холланд-парке, в особняке, построенном по его собственному проекту. Редко появляясь на публике, он совершенствовал свое мастерство и превратился из *enfant-terrible*, который когда-то пытался превзойти Данте Габриэля Россетти, в эксцентричного легендарного персонажа, стремящегося создать собственную утопию.

– Он почти так же знаменит, как ваша мать, – невежливо ответила я.

Принцесса Луиза не обратила внимания на мое замечание и продолжала.

– Артемизия была протеже сэра Фредерика. Она жила в Хэвлок-хаусе и встретила с Майлзом Рамсфортом на одном из приемов, организованном сэром Фредериком. Эти джентльмены приходятся друг другу свояками, и Майлз все-

гда обращался к сэру Фредериду, когда хотел познакомиться с людьми искусства и, возможно, предложить им покровительство.

– Как именно связаны между собой джентльмены?

– Сэр Фредерик был женат на Августе Тройон, которая умерла несколько лет назад. А Майлз женат на ее младшей сестре, Оттилии. Они до сих пор довольно близки с сэром Фредериком, даже после смерти Августы Хэвлок.

– И полиция считает, что именно из-за брака с Оттилией Майлз решил убить Артемизию?

Она нетерпеливо махнула рукой.

– И они ужасно ошибаются! У Оттилии и Майлза очень благоразумный союз. Он основан на дружбе и в некоторой степени на партнерстве. Они поженились, потому что у Майлза был дом, разрушавшийся прямо на глазах, и родословная длиной в восемь веков. Оттилия принесла в этот союз состояние своего дяди, нажитое на производстве печенья. Они использовали ее деньги, чтобы перестроить Литтлдаун, путешествовать по свету и коллекционировать предметы искусства и всевозможные древности. Они прекрасно жили вместе, и Оттилия Рамсфорт – очень разумный человек, она не обращала внимания на периодические авантюры в личной жизни ее мужа.

– Периодические авантюры? – Я приподняла бровь в удивлении. – Значит, были и другие?

Ее губ коснулась легкая улыбка.

– Вы видели фотографии Майлза? Нет? Ну, в любом случае в газетных снимках это сложно передать. Он очень обязательный мужчина, хотя и не красивый в классическом понимании. Для этого у него недостаточно правильные черты лица. Не хотела бы я изображать его в камне, – добавила она, нахмурившись. – В его лице есть что-то неуловимое, оно постоянно меняется. Но он прекрасный друг. Понимаете, он умеет слушать. Мужчинам это почти не свойственно.

Она отвела глаза и унеслась куда-то в мыслях – ее взгляд стал рассеянным. Мне было интересно, думает ли она сейчас о своем муже. Судя по всему, маркиз Лорн был не самым внимательным из мужчин.

– И Оттилия Рамсфорт не возражала, – напомнила я.

Принцесса Луиза вернулась к реальности и вновь сосредоточилась на нашей беседе.

– Нет, конечно, нет. Она занималась тем, чем мы все занимаемся: обставляла дом, покупала новые шляпки или отправлялась в Баден. Она достаточно умна, чтобы не относиться к этому серьезно, но ведь властям этого не объяснишь. Следователи из столичной полиции страдают отсутствием воображения. Они заключили, что такой человек, как Майлз Рамсфорт, должен был хотеть скрыть от своей жены Артемизию и ее беременность, и им вся история кажется простой и понятной. Они даже не удосужились рассмотреть другие варианты. И вердикт был точно таким, какого они ожидали.

Она замолчала, а когда вновь заговорила, в ее голосе явно слышалась горечь.

– Я говорила с сэром Хьюго, по крайней мере, попыталась. Он считает, что все художники – моты и развратники. Конечно, он не мог этого сказать, не мне, по крайней мере, но его отношение было очевидно. Он не собирался тратить ресурсы на поиски человека, убившего ничем не примечательную девушку, ведь его заботам вверена вся империя, а для повешения уже имеется прекрасный подозреваемый.

Я подумала, что это можно назвать правдой лишь с большой натяжкой. Сэр Хьюго был лишь главой Особого отдела в Скотланд-Ярде, который занимался делами, связанными с королевской семьей. Но не нужно было обладать слишком живым воображением, чтобы поверить, что сам он видел свою роль гораздо более важной.

– Это он предложил вам прийти ко мне со своей проблемой?

Она медленно покачала головой.

– Сперва нет. Он пытался разубедить меня. Но я знала о ваших попытках... этим летом... выяснить правду относительно вашего происхождения. А также что сэр Хьюго считает, будто вы нам очень признательны.

– Признательна?! – возмутилась я.

– Обязаны, – сказала она более мягким голосом. – Он сказал мне, что, даже если я не собираюсь бросать это дело, я не могу позволить себе нанять частного сыщика. Это чрезвычай-

чайно опасно. Но он согласился с тем, что вы поймете необходимость быть крайне осмотрительной, может быть, лучше многих.

– У сэра Хьюго гораздо более утонченное чувство юмора, чем я могла предположить, – ответила я.

Я долго обдумывала все то, что она мне рассказала, и в комнате воцарилось молчание, нарушаемое только потрескиванием дров в камине и тиканьем часов на каминной полке. Я думала о матери, красивой актрисе, тайно вышедшей замуж и родившей ребенка – плод сильной любви, и о том, как после этого ее любимый женился на другой – женщине своего класса, которая наполнила ему детскую высокородными младенцами, в то время как его старшая дочь росла без родителей. Я подумала о том, какое отчаяние, должно быть, овладело моей матерью, когда она поняла, что осталась со мной совершенно одна, и какое ужасное горе должно было довести ее до такого печального конца.

– Хорошо, – сказала я наконец, поднимаясь. – Я свяжусь с вами, как только выясню все, что в моих силах.

На ее лице отразились непонимание и удивление.

– Но мы ведь еще не обсудили условия! – возразила она.

– Условия? Вот мои условия: я буду работать со своим напарником, Стокером. Вы можете найти его в справочнике Дебретта² под именем «Достопочтенный Ревелсток Тем-

² Ежегодный справочник дворянства, который издается с 1802 г. Назван по фамилии первого издателя.

плтон-Вейн, третий сын шестого виконта Темплтон-Вейна». Больше никого мы не будем посвящать в свои дела. И сделаем все, что в наших силах, чтобы решить эту загадку.

– Мне это не нравится, – сказала она, – но, боюсь, у меня не очень много выбора в этом вопросе.

– Совершенно никакого, – согласилась я.

Она гордо подняла голову и холодно посмотрела на меня сверху вниз. Я встретилась с ней взглядом, и мне было приятно, что она первой отвела глаза. Когда она заговорила, ее голос был немного теплее.

– Не считайте меня неблагодарной. Я понимаю, что прошу вас о чем-то совершенно необычном и, вероятно, опасном для вас.

Я пожала плечами.

– Мне не привыкать ни к тому, ни к другому. На самом деле некоторые считают, что меня особенно привлекает все необычное и опасное.

Принцесса внимательно посмотрела на меня.

– Я не могу вас понять, мисс Спидвелл.

– Даже и не пытайтесь, ваше высочество, – посоветовала я.

Глава 4

В завершение нашей встречи принцесса написала инструкции, как можно будет с ней связаться, когда мы выясним что-либо интересное.

– Думаю, нам лучше встречаться только в самом крайнем случае, – сказала она мне.

– Абсолютно согласна.

– Сегодня я ужинаю с сэром Фредериком и Оттилией. Я объясню им, что попросила вас заняться расследованием.

– Вы не спросили их до того, как встретиться со мной?

Меня немного удивил столь опрометчивый поступок, но, кажется, совершенно напрасно. Она надменно взглянула на меня.

– Я не привыкла спрашивать чьего-либо разрешения на свои действия, – сообщила она мне. – Несколько раз в месяц сэр Фредерик устраивает приемы у себя в доме, чтобы представить публике свой «выводок». Ближайший состоится завтра вечером. Думаю, там вам и следует начать свое расследование. Они с Оттилией будут вас ожидать, и я несколько не сомневаюсь, что будут рады оказать вам всяческое содействие.

– Вы не будете там присутствовать?

Она вздрогнула, но постаралась это скрыть.

– Думаю, будет лучше, если формально я буду держаться

на некотором расстоянии от этого дела.

Я направилась к двери, но меня остановил ее голос, повелительный, как у самой императрицы.

– Мисс Спидвелл!

Я обернулась.

– Да, ваше высочество.

– Если вы потерпите неудачу, Майлза Рамсфорта повесят через неделю. Не забывайте об этом.

Я не стала делать реверанс и думаю, что за время нашего общения она поняла, что его от меня и не следует ожидать. Я просто кивнула и вышла из комнаты.

В коридоре я увидела леди Корделию – она сидела в кресле с выражением искреннего огорчения на лице. Увидев меня, она встала.

– Наверное, мне стоит извиниться. Этот визит оказался настоящей засадой.

– Но довольно интересной. – Я улыбнулась ей, чтобы показать, что не держу на нее зла.

Мы спустились по лестнице, и из гостиной до нас донесся приятный гул беседы. Звон посуды перемежался смехом. Две женщины яростно спорили о том, какой раствор является лучшим фиксатором для фотографий, но в остальном обстановка была очень уютной.

Привратница принесла нам наши вещи, и, когда мы вновь устроились в экипаже Боклерков, я повернулась к леди Корделии.

– Знаете, почему она хотела поговорить со мной?

Она пожала плечами.

– Монархи всегда эксцентричны, и принцесса Луиза эксцентричнее многих. Ее непросто понять. Думаю, она заинтересовалась вами после нашего разговора.

– Вы рассказывали ей обо мне?

– Вчера. Она сказала мне, что слышала о планах моего брата устроить музей на основе своих коллекций, и спросила, каких специалистов мы пригласили для этого дела. Я рассказала ей о вас и о Стокере.

Неудивительно, что ее высочество не стала возражать насчет его кандидатуры. Очевидно, леди Корделия расхвалила его перед ней без всякой меры, ведь они были старинными друзьями.

Леди К. продолжала.

– Она подробно расспрашивала меня о вас, и, кажется, мои ответы все больше подогревали ее интерес. Она вынудила меня привезти вас туда сегодня, чтобы вы могли познакомиться, но дала ясно понять, что я не должна открывать вам ее личность. Она хотела встретиться с вами инкогнито.

– Она объяснила вам, почему?

Леди К. махнула рукой.

– Она часто прибегает к анонимности в кругу своих друзей-художников. Конечно, это бессмысленное притворство. В конце концов все догадываются, кто она такая, а если нет... В общем, когда к ней относятся без должного почтения, она

может вести себя очень решительно.

– Прекрасно могу себе представить, – заметила я.

Потом леди Корделия замолчала, сама она ни о чем не стала меня расспрашивать, за что я была ей признательна. Я могла прекрасно лгать, если этого требовали обстоятельства, но все же предпочитала говорить правду.

Когда мы были уже недалеко от Бишопс-Фолли, леди Корделия вновь оживилась.

– Я вынуждена проститься с вами на несколько недель, мисс Спидвелл. Мне нужно проводить мальчиков в школу на осенний семестр. А потом я отправляюсь в Корнуолл, нужно помочь девочкам и новой гувернантке разместиться в Розморран-хаусе. Его светлость решил, что в Лондоне очень много отвлекающих моментов, и считает, то девочки будут лучше учиться в провинции, – сказала она мне.

Меня удивило не решение лорда Розморрана, а то, что он вообще утрудил себя мыслями о своих детях. Обычно его светлость (рассеянного и доброго человека) больше интересовали последние научные достижения, а не собственное потомство. Он практически передал все дела, связанные с детьми, своей сестре, ожидая, что все его прихоти будут выполняться без каких-либо усилий или волнений с его стороны. Но жизнь леди Корделии постоянно зависела от его потребностей. Ему просто не приходило в голову, что у нее могут быть собственные интересы.

– Когда вы вернетесь? – спросила я.

Она устало пожала плечами.

– Это полностью зависит от детей. Если Роуз будет хорошо себя вести и перестанет подкладывать лягушек в супницу, я, может быть, смогу приехать примерно в октябре. В противном случае мне придется жить там до тех пор, пока не настанет пора забирать мальчиков домой на Рождество. Мне не хочется оставлять его светлость в одиночестве сейчас, когда он болен, поэтому рада сообщить, что к нам на время придет пожить родственница.

– Правда?

– Да, наша двоюродная бабушка, леди Веллингтония Боклерк.

Я приподняла бровь.

– Веллингтония?

– Она родилась в день сражения при Ватерлоо. Ее отец был адъютантом герцога Веллингтона. Она очень интересная старая леди... довольно эксцентричная.

– В чем это проявляется? – спросила я.

– Мне не очень хочется вам говорить, – уклонилась она от ответа. – Лучше вы сами составите о ней мнение.

Экипаж остановился, и леди Корделия протянула мне руку.

– До новых встреч, мисс Спидвелл.

Я обнаружила Стокера в Бельведере, он описывал содержимое одной из книжных полок. Вдруг он страстно застонал, как любовник на пике удовольствия.

– У его светлости есть «Естественная история» Плиния, все тридцать семь томов! – сказал он, поглаживая девятый том, по зоологии. Он поднял глаза и, вероятно, заметил что-то в моем выражении лица, потому что сразу же отложил книгу.

– Собирался предложить тебе чая, но кажется, нужно что-нибудь покрепче, – сказал он.

Мы поднялись в маленькую укромную комнату на втором этаже, когда-то служившую убежищем третьему графу Розморрану, который построил Бельведер, чтобы скрываться там от бесконечных требований жены и тринадцати детей, а теперь ставшую нашим пристанищем. Она пряталась среди книжных полок и разномастной мебели, там стояли удобный диван, кресло, изразцовая шведская печь, письменный стол, а также походная кровать, принадлежавшая некогда герцогу Веллингтону. К тому же за стеной был оборудован удобный ватерклозет, а потому мы спокойно останавливались здесь во время нашего прошлого приключения, и с тех пор у нас вошло в привычку приходить сюда всякий раз, когда хотелось укрыться от посторонних глаз. Старшие Боклерки с уважением относились к нашему уединению, но дети лорда Розморрана были крайне любопытны, и я постоян-

но натыкалась на кого-то из них в Бельведере. Эта комнатка была единственным местом без их отпечатков пальцев и ушек на макушке. На звук шагов Стокера сразу прибежали его бульдог Гексли и кавказская овчарка Бетани графа Розморрана. Сейчас она должна была лежать в ногах у хозяйки, составляя ему компанию в печальный период выздоровления, но с тех пор, как Стокер поселился в Бишопс-Фолли, стала явно предпочитать его компанию, а также компанию Гексли, которого немного смущала такая преданность. Заворчав, Гексли устроился в своей обычной постели, перевернутой ступне слона, а Бет уложила свою внушительную тушу в подходящей для нее по размеру огромной корзине. Ее совершенно не волновал тот факт, что эта корзина на самом деле была гондолой, закрепленной под воздушным шаром, который, управляемый братьями Монгольфье, пролетел однажды над Версалем.

Стокер щедро разлил нам виски и протянул мне стакан. Прежде чем пуститься в свой рассказ, я подождала, пока он помешает огонь в камине и сядет в кресло. Он выслушал меня с подчеркнуто спокойным выражением лица до самого конца.

В его первых словах слышалось сочувствие, хотя сами они звучали грубовато.

– Ты что, черт возьми, совсем с ума сошла?

– Если собираешься меня оскорблять, то позволь мне сперва допить свой виски.

Стокер раздраженно вздохнул.

– Вероника, ты дала обязательство от нас обоих королевскому лицу, и это не какая-нибудь безделица. Ты обещала, что мы раскроем убийство.

– Да, именно об этом меня просили.

– Но мы же не следователи, – заметил он, теперь уже с заметной язвительностью в голосе. – Мы ученые-натуралисты.

Я махнула рукой.

– Именно. Мы обучены рассматривать жизнь во всех подробностях, собирать факты, строить гипотезы, делать выводы – все эти навыки необходимы и детективу. Мы неплохо справились прошлым летом, – напомнила я ему.

– За наши усилия нас несколько раз чуть не убили, – парировал он.

– Не ворчи, Стокер. Самой серьезной раной, полученной нами в ходе этого расследования, была та, когда ты пригвоздил меня ножом, и я тебя за это уже полностью простила.

– Это был несчастный случай, – ответил он, сердито цедя слова сквозь сжатые зубы.

– Ну конечно! Ты бы никогда не стал протыкать меня ножом намеренно, по крайней мере, сперва тебя нужно для этого хорошенько разозлить.

– Как сейчас, например? – спросил он.

– Не будь таким капризным, Стокер. От этого у тебя сжимаются губы, а ведь у тебя такой красивый рот.

Он спрятал обсуждаемую часть тела за стаканом, хоро-

шенько глотнув виски, а я тем временем продолжала.

– Только подумай, – настаивала я, – мы двое где-то в огромном городе выслеживаем преступника на охоте, которую сами организовали. Не можешь же ты не согласиться, что нам нравилось наше прошлое приключение, а также не станешь возражать, что мы оба достаточно насмотрелись на коробки и упаковочные материалы, так что нам хватит до Нового года.

– Расскажи-ка мне все сначала, – велел он, и я рассказала, понимая, что на этот раз он внимательно прислушивается ко всему, что я говорю, с пытливостью ученого. Он закрыл глаза и запустил руки в волосы, пропуская свои длинные черные локоны сквозь пальцы.

Когда я закончила, он покачал головой, опустил руки и вновь потянулся к стакану с виски.

– Мне это не нравится.

– Да, убийство обычно бывает довольно неприятным делом, – ответила я.

– Нет, я имею в виду всю эту историю. Даже если одна половина Лондона хочет придушить вторую половину и подать ее к столу с петрушкой, меня это не касается.

– Глупости, – коротко возразила я. – У тебя очень сильно развито чувство справедливости, я такого прежде никогда не встречала. Ты ни за что не позволишь невинному человеку, такому как Майлз Рамсфорт, быть вздернутым за преступление, которого он не совершал.

Стокер подался вперед; его ярко-голубые глаза блеснули.

– Но у нас есть лишь один аргумент в пользу того, что он этого не делал: слово принцессы.

– Думаешь, она лжет?

Противная змейка сомнений поползла у меня вверх по позвоночнику.

– Думаю, что это вполне возможно. Вероника, нужно посмотреть на это рационально. Если она располагает информацией, которая может спасти его жизнь, почему она ее не сообщает?

– Я спрашивала ее, – напомнила я ему. – Она ответила, что не может сказать, так как из-за этого разрушатся жизни других людей.

– Что может быть страшнее смерти невинного человека? – спросил он. – Вместо того чтобы соглашаться на ее предложение, ты должна была назвать ее обманщицей, настоять на том, чтобы она вернулась к сэру Хьюго и рассказала правду, чего бы это ни стоило.

Я ничего не ответила, просто смотрела на дно своего стакана, с удивлением обнаружив, что он пуст.

– Знаю, почему ты так поступила, – сказал он, и в его голосе вдруг послышалась теплота. – Думаешь, что если сделаешь это для нее, для *них*, то они каким-то образом тебя признают, и это будет тебе некоторой компенсацией за столько лет изоляции.

– Это самое абсурдное предположение... – начала было

я, но он, не дослушав меня, продолжал, так же неумолимо и неостановимо, как несется река в половодье.

– Понимаю, ты думаешь, что должна им что-то доказать, но это не так. Ты стоишь тысячи таких, как они, Вероника. Но им никогда этого не понять. Если ты сейчас согласишься стать им лакеем в надежде на их одобрение, это никогда не прекратится. Тебе не выиграть в этой игре, так что даже и не пытайся. Уходи от них сейчас, пока они не засели у тебя в печенках, – предупредил он меня.

– Как у тебя твоя семья? – парировала я.

Я не собиралась этого говорить, но слова уже вылетели из моих уст и повисли в воздухе между нами, практически осязаемые, и я уже не могла забрать их обратно.

– Что ты имеешь в виду?

Голос его был тихим и спокойным, и именно поэтому я поняла, что он в бешенстве. Стокер, мечущий грома и молнии, рычащий и кричащий, – это счастливый Стокер. Ледяное спокойствие всегда выдавало в нем скрытую ярость.

Я встала и подошла к китайскому комоду в углу. Там лежал конверт, на который я и указала Стокеру.

– Это. Письмо от твоего брата, пришло две недели назад. Твой отец умер, а ты и слова мне не сказал. Ты никуда не отлучался, а значит, не был на его похоронах. Твой брат упоминает множество писем, написанных другими членами семьи. Я искала в Бельведере и нашла одиннадцать. А еще были?

Мне хотелось, чтобы он выругался, грубо и так, как пристало бы бывшему моряку, но он просто сидел и слушал меня, желваки на его скулах яростно двигались.

– Если бы тебе действительно не было дела до семьи, ты бы не стал хранить все эти письма. Но ты их бережешь. И во всех них только один смысл: твоя семья хочет с тобой увидеться. Они просят тебя назвать время и место. Но ты не ответил ни на одно из них, и, кажется, семья уже просто в отчаянии. Здесь у тебя нет передо мной преимуществ, Ревелсток, – спокойно заметила я. – Ты тоже играешь в сомнительные игры.

Он провел рукой по лицу, и от этого жеста его гнев, кажется, куда-то исчез.

– О боже, когда хочешь, ты можешь быть очень жестокой. У тебя язык острый как клинок и вдвойне опаснее.

Он налил нам обоим еще виски и быстро выпил свою порцию.

– Ну хорошо. Мой отец умер, и моя семья просит меня к ним явиться, но я не сделаю им такого подарка. Ты права. Я скрываюсь от них потому, что мне приятно думать, как они скрипят зубами от бессилия. Нельзя отказывать себе в подобном удовольствии, – заключил он. – Скажи Саксен-Кобург-Готам, чтобы катились ко всем чертям.

– Позже, – ответила я, и по одному этому слову он наконец все понял. Понимание разлилось по его лицу, как солнечные лучи на рассвете по полям, и он медленно покачал головой.

– Бедное дитя, – пробормотал он.

– Не смей. Я не позволю тебе меня жалеть, – предупредила

я.

– Ты хочешь разгадать эту загадку не для того, чтобы они тебя полюбили, – сказал он, облачив в слова чувства, в которых я не смела признаться даже самой себе. – Желаешь сделать это, чтобы потом швырнуть им это в лицо.

Я осушила свой стакан и почувствовала прилив храбрости от обжигающего горло напитка.

– Что-то вроде того, – призналась я наконец.

Он надолго задумался, потом пожал плечами.

– Мотив не хуже прочих. Кстати, если спасешь жизнь человеку, а свою семью отправишь куда подальше, это может улучшить тебе настроение. Не думай, что я не заметил скрытого гнева, давящего на тебя в последнее время. И в этом я понимаю тебя лучше, чем кто бы то ни было. Ты была в ужасном настроении с тех пор, как мы раскрыли правду о твоём происхождении.

– Неправда! И, кстати, мы были знакомы всего несколько дней до того, как открыли правду. Откуда ты знаешь, какая я на самом деле? Может быть, это мое обычное состояние?

Он улыбнулся и сразу перешел к обсуждению деталей нашего расследования.

– Мы не можем забросить свои обязанности здесь, – предупредил он.

– Ну конечно, – согласилась я. – Нам просто придется ра-

ботать быстрее и каждый день заканчивать дела по каталогизации до ланча. Тогда у нас будут вся вторая половина дня и вечер на расследование.

Он покачал головой.

– Ты сошла с ума. И я – тоже, раз позволяю тебе впутать меня в эту историю.

Я криво усмехнулась.

– Мы будем как Аркадия Браун и ее верный напарник Гарвин, – сказала я, вспомнив наших любимых детективных героев. Стокер утверждал, что не интересуется популярной литературой, но с тех пор, как я познакомила его с приключениями этой леди-детектива, он поглощал их одно за другим, продолжая делать вид, что ему чуждо подобное времяпрепровождение.

– Если надеешься, что я буду размахивать пистолетом и бегать за тобой как заяц с криками *excelsior*, то будешь ждать этого до Второго пришествия, – предупредил он. – Делаю это только потому, что знаю: я не смогу тебя отговорить, а тебе нужен человек, который бы прикрывал твой тыл, раз ты собралась иметь дело с убийцей.

Я улыбнулась и подняла свой стакан.

– Приключение начинается.

Глава 5

Будучи натуралистами, мы со Стокером подошли к вопросу расследования в сугубо академической манере. В первых, решили собрать как можно больше информации. Стокер должен был закончить чучело особо противного нильского крокодила, так что я, разобравшись со своими ежедневными обязанностями в Бельведере, воспользовалась случаем и погрузилась в изучение богатого собрания периодических изданий лорда Розморрана, по частичкам собирая все возможные сведения о деле Рамсфорта. На наше счастье, лорд Розморран был любителем газет и подписывался как на уважаемые широкополосные издания, так и на самые грязные таблоиды со всех уголков королевства, от Грейвсенда до Джон-о'Гротса. В более дешевых статьях ожидаемо нездорово смаковались все подробности, описывались потоки крови, которыми был залит убийца, а солидные издания высокомерно осуждали богемную жизнь и сопутствующее ей аморальное поведение. У нас не было возможности обследовать место преступления по свежим следам, но мы, во всяком случае, могли получить представление об этой истории со всех возможных точек зрения.

Я листала газеты до тех пор, пока у меня не заболели глаза, а пальцы не стали черными от типографской краски; важные пассажи я зачитывала вслух и конспектировала. Я убедилась,

что Луиза сумела сообщить мне все неоспоримые факты в этой истории: Артемизия была мертва, а Майлз Рамсфорт, категорически отказавшись давать показания по этому делу, вскоре должен быть повешен за убийство. Все остальное могло стать предметом спекуляций. Одна скандальная газетенка называла его детищем Люцифера, а более качественная пресса, кажется, считала его щеголеватым, обаятельным джентльменом, который благородно предпочел хранить молчание и скорее пойти на виселицу, чем своим признанием спровоцировать дальнейшие скандалы. Беременность Артемизии обсасывалась, как мозговая косточка, неистовыми журналистами бульварных изданий и аккуратно замалчивалась их более образованными собратьями. Единственное, на чем все сходились: чем быстрее его повесят, тем будет лучше для всех.

Самое подробное описание обнаружилось в грязной газетенке под названием «Дейли Харбинджер», в специальном выпуске с цветными иллюстрациями места преступления, и я помахала им перед лицом Стокера.

– Прекрасное изображение Майлза Рамсфорта. В широкополосных изданиях он выглядит очень респектабельно, но «Харбинджер» представляет его настоящим злодеем. И все же я думаю, что он довольно красив или был бы красивым, если бы не такой подбородок.

Стокер подошел и заглянул через мое плечо.

– Слабый, – согласился он, – конечно, потому он и отрас-

тил себе эти бачки.

Стокер погладил нижнюю часть лица с довольным видом и имел на это право: я редко встречала мужчин с такими решительными подбородками.

Я перевернула страницу и увидела кровожадное изображение места преступления – спальни Майлза Рамсфорта. В других обстоятельствах это была бы очень элегантная комната: обставленная в стиле Тюдоров, с обилием предметов из старого дуба, начиная от филенчатых стеновых панелей и заканчивая кроватью на четырех столбиках с балдахином, с длинным бордовым пологом. Я представила, какой уютной могла быть эта кровать с задернутыми занавесями, теплой красной норкой, в которой так и хотелось примоститься холодной ночью, и всмотрелась внимательней.

– Смотри, как ужасно. Они постарались изобразить кровь такого же цвета, как и полог, – заметила я, вздрогнув при виде красной лужи под кроватью. Эта лужица была неправильной формы, и, прочитав соответствующий фрагмент статьи, я поняла, почему.

– Здесь сказано, что убийца в какой-то момент ступил в кровь.

– Да с убийцы она должна была прямо-таки стекать, – заметил Стокер и вернулся к своей работе: ему нужно было аккуратно вставить глаз крокодилу. Он пустился в технические объяснения того, что из артерий кровь идет быстрым пульсирующим потоком, совсем не так, как из вен.

– Однажды я оказался рядом с парнем, которому ядром оторвало полголовы во время бомбардировки Александрии, – с воодушевлением закончил он. – Кажется, мы все просто купались в крови.

– Очевидно, именно поэтому полиция исключила всех остальных подозреваемых в убийстве, – заметила я, возвращаясь к статье. – Они осмотрели одежду и обувь всех присутствующих: и гостей, и прислуги. Тут говорится, что на Оттилии Рамсфорт, которая иначе могла быть вполне подходящим подозреваемым, было белоснежное платье, на котором не нашли ни капли крови. Только Майлз Рамсфорт был весь в крови.

– Если он не совершал этого преступления, как тогда он предлагает это понимать?

Я отложила газету.

– Он сказал, что наступил на кровь, когда обнаружил тело, и утверждал, что его одежда пропиталась кровью, потому что его так шокировало это происшествие, что он поднял убитую на руки.

– Довольно шаткие показания, – заметил Стокер, и я была с ним согласна.

– Кажется, именно после этого он и перестал общаться с полицией. Сначала он сделал заявление, утверждая, что невиновен, но, кроме этого, ничего не сообщал. Он не стал помогать даже своим солиситорам: сказал, что если они не могут спасти его без его собственных показаний, то, значит,

он и не заслуживает спасения.

– Странно занимать такую позицию, когда на кону – жизнь, – вставил Стокер.

Только мы решили послать за рыбой и картошкой навывнос, чтобы без церемоний поест вдвоем в Бельведере, как из главного дома пришла записка. Я открыла ее грязными пальцами и, прочитав, громко выругалась.

– Что там? – спросил Стокер.

Я передала ему листок.

– Требуют нашего присутствия за поздним ужином. Кажется, леди Веллингтония прибыла раньше, чем ожидалось, и ей не терпится со мной познакомиться. Нас просят прийти вовремя.

Стокер взглянул на напольные часы и пробормотал что-то непечатное. У нас оставалось меньше четверти часа для того, чтобы привести себя в приличный вид, но у меня под рукой всегда было запасное платье, так что, наскоро умывшись здесь же, в туалетной комнате, и надев черный шелковый наряд, я смогла значительно изменить к лучшему свою внешность. У Стокера не было времени сбрить черную растительность на подбородке, но он тоже успел умыться и сунул руки в вечерний сюртук, а вокруг шеи вместо шейного платка повязал жалкий кусок черного шелка, и мы поспешили в дом. Собаки, привыкшие к тому, что Стокер всегда подкармливает их кусочками со стола, припустили за нами и отстали только в последнюю минуту, погнавшись за кроликом. Мы

вошли в гостиную как раз под звук гонга, слегка запыхавшись и все еще немного чумадые для приличного ужина.

Когда мы вошли, в комнате было тихо, за исключением веселого гомона попугайчиков-неразлучников леди Корделии, сидевших в клетке в углу. Думая, что меня никто не видит, я поднесла руку к волосам, пытаясь закрепить шпилькой непослушный локон.

– Юная особа, вы выглядите как вакханка. Вы специально так нарядились, чтобы озорничать в кустах?

Пожилая женщина вышла из тени позади клетки. Она шла вперед медленно, крепко сжимая шишковатой рукой трость из слоновой кости; но мне почему-то показалось, что она использует ее скорее как символ власти, чем как предмет, поддерживающий ее ослабшие ноги.

Вопрос, очевидно, был риторическим, а потому я и не пыталась на него ответить, а просто стояла, опустив руки, и наблюдала, как она, приблизившись, принялась осматривать меня с головы до пят.

Я воспользовалась случаем и тоже рассмотрела ее. Она была выше остальных Боклерков, а спина ее была такой прямой, что никакому шесту и не снилось. Голова высоко поднята, и хотя возраст и склонность к полноте сгладили ее черты, это не коснулось глаз. Они были черными и все еще красивыми той красотой, какой славятся глаза у сокола: зоркие и неумолимые. Нос также напоминал клюв, а подбородок был немного острым для того, чтобы казаться красивым.

Очевидно, она никогда не была красавицей, но я легко могла представить ее в роли обаятельной дурнушки, способной привлекать к себе внимание хотя бы своей живостью.

– У вас хорошая осанка, – сказала она наконец. – Это говорит о твердых основах. Кто бы вас ни воспитывал, они знали, что делали.

– Меня вырастили мои тетки, – сказала я ей, выбрав более простую, официальную, версию. – Одна из них была доброй, другая – нет. Вторая пришивала мне на воротник листья па-дуба, чтобы я не опускала подбородок.

Она кивнула.

– Меня каждый день на время уроков привязывали к доске. Мой отец считал, что учеба дает девочкам лишь скрюченную спину, так что такой своеобразный корсет был единственной возможностью для меня получать образование. Вот так я и выучила Горация, – сурово закончила она. – А вы дитя Спидвелл, правильно? Я леди Веллингтония Боклерк. Можете называть меня леди Велли. Я не люблю церемониться, как вы уже и сами, несомненно, поняли.

– Вы любовались птицами, – сказала я, чтобы завязать беседу. Я указала на клетку, в которой попугайчики-неразлучники леди Корделии, Кратет и Гиппархия, неразборчиво болтали, глядя на нас.

– Милые создания, – сказала леди Веллингтония. – Но они ни на минуту не прекращают этот адский шум. Я как раз собиралась открыть клетку и запустить туда кошку. Или это

жестоко? Может быть, стоит просто их задушить и разом покончить с этим?

Я не знала, что ответить, но мне на помощь пришел Стокер.

– Добрый вечер, леди Велли, – сказал он, галантно склонившись к ее руке. Он коснулся руки губами, и старая дама жеманно улыбнулась.

Затем она подставила ему напудренную щеку.

– Привет, мой мальчик. Поцелуй старушку, теперь в другую и еще пожми мне руку, как ты умеешь.

Стокер подчинился, а затем отошел, улыбаясь.

– Рад снова видеть вас, леди Велли.

– Ах ты проказник, – сказала она, постучав его веером по костяшкам пальцев. – Мы не виделись больше шести месяцев. Мне нравится твой новый питомец, – добавила она, кивнув в мою сторону.

Стокер прыснул, а я больно ткнула его под ребра.

– Ну все, хватит, – сказала я и повернулась к леди Веллингтонии.

– Мы со Стокером вместе работаем над проектом его светлости – открыть в Бельведере музей, доступный для публики, – сказала я ей.

Она закатила глаза.

– Какая бесславная идея. Кому нужно, чтобы публика шаталась по саду, разбрасывая повсюду обертки от сладостей, пустые бутылки и бог знает какой еще мусор?

– Вы не считаете, что у людей должен быть доступ к экспонатам, представляющим достижения человеческого ума: собраниям искусства и результатам исследований?

На ее губах заиграла легкая улыбка.

– Думаете, простого человека волнуют подобные вещи? Нет, дитя. Ему нужны полный живот, теплые ноги и крепкая крыша над головой. Но мне нравится ваш идеализм. Это очень обаятельно, только обещайте от него избавиться к тридцати годам. Женщина за тридцать не может позволить себе быть идеалисткой.

– Мне кажется, это очень цинично, – ответила я.

Она скорчила гримасу.

– Стокер, девочка считает меня циничной.

Стокер спокойно взглянул на нее.

– Девочка будет думать о вас еще хуже, когда познакомится с вами поближе.

Я замерла от такой грубости, но леди Веллингтония запрокинула голову и громко рассмеялась.

– А теперь пойдем к ужину, потому что, если я сяду в одно из этих нелепых кресел, боюсь, уже не встану, – сказала она, строго взглянув на низкие кресла, и повернулась ко мне.

– В мое время кресла делались не для удобства. У них было одно предназначение – чтобы зад не касался пола, вот и все. Хорошо, что Корделии здесь нет. Она милая девочка, но мигом лишилась бы чувств, если бы услышала, что я в приличном обществе употребляю слово «зад». Знаете, это

основное преимущество старости. Я могу говорить все, что заблагорассудится, и меня прощают, потому что я знала Моисея, когда он еще лежал в корзинке в камышах.

Она взяла Стокера под руку.

– Веди меня к ужину, мой мальчик. Мисс Спидвелл, боюсь, вам придется идти одной.

Стокер послушно проводил ее в маленькую комнату для ужинов, а не в большую столовую Розморранов. Стол был накрыт на четверых, и, когда мы уселись, я вопросительно приподняла бровь.

– Его светлость спустится к ужину? Или леди Корделия?

Прежде чем ответить, она внимательно проинспектировала холодного лосося под майонезом на приставном столике.

– Нет, дитя. Розморрана сегодня немного лихорадит, и я велела кухарке отправить ему наверх холодец и хороший бланманже. А Корделия с детьми уже уехала.

Она кивнула в сторону пустующего стула.

– Это для моей тени, если только он достаточно взбодрится для того, чтобы прийти. Он всегда опаздывает.

Только я начала подозревать, что пожилая леди немного не в своем уме, как дверь открылась и вошел священник; бормоча извинения и оттягивая воротник-стойку, он занял свое место.

Приставив к уху слуховой рожок, он кивнул леди Велли.

– Прости, Велли, но библиотека его светлости всегда так затягивает меня, что я просто забываю о времени.

Леди Велли вздохнула и заговорила с ним, возвысив голос и четко произнося каждое слово.

– Сесил, я видела, как ты забывал о времени, просто сравнивая длину шнурков на ботинках. Библиотека его светлости тут ни при чем. Тебе не хватает дисциплинированности, – проворчала она. Но в голосе ее слышалась нежность. Она махнула вилкой.

– Познакомься с мисс Спидвелл.

Священник повернулся ко мне.

– Я преподобный Сесил Баринг-Понсонби. Совершенно никак не связан с Бессбороу Понсонби, – строго добавил он.

Я напрягла память, чтобы припомнить, что Понсонби – фамилия семьи графов Бессбороу, семейства, известного своей эксцентричностью с начала века, когда одна молодая леди из этого клана стала любовницей лорда Байрона и посылала ему в письмах свои локоны, срезанные не с головы.

– Сесил, ты всем говоришь об этом еще с тех пор, как была жива леди Каролина Лэмб. Никому до этого нет дела, – строго сказала старая леди, подцепив на вилку еще один кусочек лосося.

– Стокер, ты помнишь мистера Баринга-Понсонби. Он все еще жив, как видишь. Сесил, – позвала она, возвысив голос, и он снова приложил к уху слуховой рожок. – Это Ревелсток Темплтон-Вейн. Вы с ним раньше встречались, но ты не вспомнишь, поэтому просто кивни, чтобы не казаться

ся невежливым. Он, кстати, достопочтенный³. Сын виконта, который никогда мне не нравился.

Джентльмены сердечно приветствовали друг друга, а затем Стокер повернулся к хозяйке.

– Леди Велли, что привело вас в Бишопс-Фолли на этот раз?

– Предполагается, что мы все должны развлекать беднягу Розморрана. Хотя, между нами, очень уж это глупо выглядит: споткнуться о собственную черепаха. Чудное создание. Такое массивное и с таким забавным лицом; черепаха, не Розморран. Кстати, Сесил, мне только что пришло в голову, что ты очень похож на Патрицию.

– Что такое? – спросил он, приставив руку к уху.

– Я сказала, что ты похож на Патрицию! На черепаху его светлости! – прокричала она. Теперь, когда она это сказала, я не могла отделаться от мысли, что она права: сходство было заметно. Я была почти уверена, что мистер Баринг-Понсонби оскорбится, но он только пожал плечами и вернулся к лососю под майонезом.

Леди Веллингтония повернулась ко мне.

– Мне непременно нужно зайти в Бельведер, пока я здесь. Я не была там уже лет сорок. Наверно, он все так же забит всяким мусором?

– В коллекции содержатся также редчайшие объекты искусства и естественной истории, – упрямо ответила я. Может

³ Почетное обращение к детям пэров, как наследственных, так и пожизненных.

быть, в этом собрании и правда куча мусора соседствовала с редкими сокровищами, но я не могла позволить никому, кроме нас, думать о нем слегка пренебрежительно.

– Ничего себе! Ты слышал, Сесил? Меня отругали! Все в порядке, дорогая. Вы не должны обращать внимания на мои капризы. Я счастлива, что вы смогли сегодня со мной поужинать. Мне так хотелось увидеть вас и сопоставить наконец лицо с именем.

Она окинула меня долгим оценивающим взглядом.

– И правда мисс Вероника Спидвелл.

– Вы очень любезны, – ответила я.

Она разразилась громким грудным смехом, которого совершенно не ожидаешь обычно от дамы столь преклонных лет.

– Я совершенно не любезна. Спросите кого угодно.

– Да, я тоже так думаю, – сказала я ей. – Просто пыталась проявить вежливость.

К моему изумлению, она довольно отвратительно улыбнулась: стало видно несколько гнилых зубов. Она подняла бокал.

– Я решила, что мы станем прекрасными друзьями, мисс Спидвелл.

Я подняла свой бокал в ответном жесте и быстро осушила его, не вполне уверенная в том, польщена ли я такой перспективой или обеспокоена. В какие бы странные игры она ни пыталась играть вначале, сейчас она их отбросила, и мы

с удовольствием разговорились. Мистер Баринг-Понсонби время от времени вставлял очень разумные замечания, да и Стокер казался прекрасным рассказчиком, но более всего в этот вечер мне было интересно слушать леди Велли. Она была удивительной женщиной, и чем больше событий из ее прошлого мне приоткрывалось (места, где она побывала, люди, с которыми была знакома), тем сильнее мне хотелось узнать ее лучше.

– Вы прожили очень интересную жизнь, – заметила я после одной особенно занимательной истории с участием эрцгерцога Австрийского.

– Я вас шокировала? Не забывайте: я родилась совсем в другие времена, мисс Спидвелл. Девственность – это завет королевы Виктории. Мы были не настолько зашорены, – сказала она мне. – Послушайте моего совета и избавляйтесь от своей как можно скорее.

Меня позабавила мысль о том, что было бы, если бы я рассказала ей, что уже благополучно ее лишилась лет семь назад в очень приятных обстоятельствах, на живописном горном склоне в Швейцарии.

– И если вы достаточно благоразумны, то должны поручить это дело ему, – добавила она, бросив многозначительный взгляд через стол на Стокера, который что-то кричал в слуховой рожок мистера Баринга-Понсонби.

Как раз в этот момент Стокер повернулся и с любопытством посмотрел на нас.

– О чем это вы там говорите? Вы обе покраснелись.

– Мы обсуждали лошадей, – сказала леди Веллингтония, – и как трудно порой найти хорошего жеребца для верховой езды.

Его ответ был трогательно наивным.

– Если вам нужна рекомендация, у меня есть пара знакомых по этой части.

Я подавила смешок, а леди Веллингтония наградила его очень мрачной улыбкой.

– Не сомневаюсь, мой дорогой мальчик, не сомневаюсь.

Затем она вновь повернулась ко мне, а он вернулся к разговору со старичком священником.

Мы беззаботно болтали до тех пор, пока не принесли пудинг. Леди Веллингтония передернула плечами в предвкушении:

– Яблочный снежок! – воскликнула она. – Мой любимый!

Она посмотрела на мистера Баринга-Понсонби, который задремал, еще когда подавали сыр. Стокер с аппетитом набросился на свою порцию, и суровые черты лица леди Велли смягчило выражение искренней привязанности.

– Я обожаю Стокера. Если бы я могла иметь сына, то хотела бы именно такого. Но все это деторождение – очень дурное занятие, – мрачно добавила она. – Избегайте его по возможности.

– Да, я так и собираюсь, – ответила я.

– Умница девочка.

Она кивнула и подмигнула мне, а я принялась за яблочный снежок. Я небольшой любитель сладостей, но кухарка превзошла саму себя, дополнив десерт кремом англез. О любви Стокера к сладостям можно слагать легенды: он уже дочиста выскреб свою миску и, как я с любопытством заметила, тайком поменял ее на нетронутую порцию дремавшего мистера Баринга-Понсонби.

Я повернулась к леди Велли.

– Вам нужно писать мемуары, – сказала я ей.

Она лишь отмахнулась.

– Если прожить с мое, обязательно будет что припомнить за столько лет. Дитя мое, я старше Нила. Кстати, о Ниле... – Она замолчала и отдала быстрое распоряжение дворецкому Люмли. На мгновение он изменился в лице.

– Не будь таким занудой, Люмли, – сказала она ему. – Я уже готова пить чай, и мне совершенно не интересно тащиться самой и тащить мисс Спидвелл обратно в гостиную и ждать его там. Мы выпьем чай здесь, пока джентльмены будут пить портвейн. Подозреваю, ради этого мистер Баринг-Понсонби даже проснется.

Люмли побледнел, но низко поклонился.

– Конечно, миледи.

Люмли, как обычно и бывает со старшей прислугой, крепче держался за традиции, чем семья, в которой он служил. То, что леди Веллингтония не захотела удаляться после ужина в гостиную, как положено дамам, шокировало его не

меньше, чем если бы мы все начали срывать с себя одежду и танцевать на столе.

Но он не мог ослушаться приказа, а потому вскоре появился с графином портвейна для мужчин и чайным сервизом, подобных которому я еще не видела. От восторга я даже задержала дыхание, и леди Веллингтония посмотрела на меня одобрительно.

– Так и думала, что вам понравится. Это Веджвуд⁴, – сообщила она. Но такой Веджвуд не попадался мне никогда в жизни. Набор был выполнен в глубоком матовом бордовом цвете, стилизован под древнюю глиняную посуду, и по каждому предмету шел рельефный черный узор. И что это были за узоры! Сфинксы и различные животные перемежались с широко раскрытыми крыльями и шли по кругу на каждой чашке, а на чайнике ручка была сделана в виде крокодила.

– Его изготовили в честь победы Нельсона в Египетской кампании Наполеона. Забавный, правда?

– Потрясающий! – ответила я.

Пока мы пили чай, она вновь начала вспоминать людей, с которыми была знакома, совершенно не хвастаясь, а просто припоминая их странности и разные интересные истории. Не знаю, что на меня нашло, но я почему-то подумала, что она может быть нам полезна в нынешнем расследовании.

⁴ Знаменитая торговая марка, британская фирма по изготовлению фаянсовой посуды, основанная в 1759 г. Она поставляла заказы, в частности, российской императрице Екатерине II. Многие сервизы имели греческую, римскую или египетскую стилизацию.

Мистер Баринг-Понсонби проснулся, когда внесли портвейн, и они со Стокером принялись за него, по достоинству оценив лучший тони⁵ лорда Розморрана.

– Интересно, леди Веллингтония, вы когда-нибудь встречались с сэром Фредериком Хэвлоком?

– Фредди? Сто лет его не видела! – сказала она, и ее глаза подернулись дымкой воспоминаний. – Знаете, он дважды писал меня. В первый раз это был милый портрет для Королевской академии, еще до того, как он взбесился и его вышвырнули оттуда за то, что он ударил президента на открытии. Тот позволил себе колкое замечание об одной из его работ, а Фредерик никогда не выносил критику. В чем-то похож на этого, – добавила она, кивнув в сторону Стокера. – Все сражается с ветряными мельницами. Его за это же выгнали в прошлом году из Королевского музея естественной истории.

Я уставилась на Стокера.

– Ты кого-то ударил?

Он пожал плечами, потягивая вино.

– Того, кто этого заслуживал.

Леди Велли издала свой хриплый смешок.

– Я в числе покровителей этого заведения, проще говоря, я даю им деньги, а они приглашают меня на все мероприятия. Стокер давно уже был в немилости, но я брала его в ка-

⁵ Портвейны «тони» производятся из красных сортов винограда; купажи разных лет урожая несколько лет выдерживаются в дубовых бочках.

честве своего кавалера на все торжества, и никто не смел даже пикнуть. Так бы и продолжалось, если бы Стокер не начал возражать против одной из экспозиций.

– А что в ней было такого спорного? – спросила я.

Стокер сжал губы, начиная злиться просто от воспоминания о прошлом.

– Директор выставил чучела высших приматов, чтобы продемонстрировать эволюцию человека согласно теории Дарвина.

– Звучит вполне разумно, – заметила я.

– В конце этого ряда он поместил живого африканца в львиной шкуре, в цепях, – сказал он в гневе, будто выплевывая слова.

– И все его старания привели лишь к тому, что ему выбили зуб, – напомнила леди Велли. Потом она повернулась ко мне.

– Четверо мужчин еле оттащили от него Стокера. А я тем временем выяснила, что этот молодой парень – квалифицированный кондитер в поисках работы, забрала его с собой и пристроила в мой любимый отель. Если будете обедать в Садбери, дорогая, не забудьте заказать на десерт крокембуш а-ля Боклерк. Это его фирменное блюдо, – посоветовала она мне.

Я представила себе, как Стокер нападает на директора академии, и с трудом сдержала улыбку.

– Вы сказали, что сэр Фредерик писал вас дважды, – напомнила я леди Велли. – Приятно было ему позировать?

– Приятно? Ни капельки. Он, кажется, взял себе за образец Караваджо. Ничего, кроме перегара и шаловливых рук. Я больше отбивалась от него, чем позировала. Но второй портрет был просто прекрасен, – задумчиво добавила она. – Я была совершенно обнаженной. Он, конечно, написал меня в маске, чтобы никто не узнал. Но портрет был потрясающим. Он висит на стене в баре клуба «Геликон».

Стокер вдруг сильно закашлялся и никак не мог прийти в себя.

– Я его видел, – выдавил он наконец.

– Неплохо, правда? – спросила она, подмигнув.

– Потрясающе, – с чувством ответил он, подняв за нее бокал.

Она вздохнула.

– Мне было чуть за сорок, когда Фредерик меня написал.

Последний цвет красоты.

Она вновь посмотрела на меня.

– Дитя мое, непременно нужно, чтобы он и вас написал.

Сейчас у вас лицо греческой богини, но однажды вся красота начнет сползать, и кончится все тем, что ваша грудь будет болтаться у талии.

Мистер Баринг-Понсонби поднес к уху рожок.

– А? Что такое?

Леди Велли повысила голос.

– Мы говорили про женскую грудь, Сесил.

– Грудь – это прекрасно, – пробормотал он и сразу же на-

чал снова клевать носом, а через минуту послышался и приглушенный храп. Она посмотрела на него с обожанием.

– Он как комнатная собачонка, мой старичок. Приятная компания в моем старческом маразме. Но болтается как ослиные причиндалы.

Стокер снова зашелся кашлем над стаканом с портвейном, а я никак не могла придумать подходящего ответа. Леди Велли беззаботно продолжала.

– Дети, я старше Темзы и даже с этим смирилась. Но у меня в запасе есть еще несколько лет до того, как смерть пригласит меня на танец, и я собираюсь насладиться ими не меньше, чем всеми предыдущими. А теперь скажите-ка мне, зачем вам понадобился Фредди Хэвлок.

Не успела я придумать подходящего ответа, как заговорил Стокер.

– Работы Чарльза Уилсона Пила подали мне интересную идею: я хочу совершенно по-новому организовать экспозицию различных биологических видов в Бельведере у его светлости. Собираюсь поместить их в среду, приближенную к реальным условиям обитания. И если позади каждой экспозиции расположить соответствующую картину, детальную и написанную специально для этих целей, мы создадим таким образом эффект, которого еще никому до нас не удавалось достичь.

Я уставилась на него.

– Стокер, это же гениально!

Но тут я поняла, что мы должны быть заодно, а значит, я должна была знать об этом плане и не выдавать своего удивления.

И леди Велли было не провести.

– Вам был неизвестен этот замысел, правда, мисс Спидвелл?

– Впервые о нем слышу, – честно ответила я.

– А почему же тогда *вы* так хотели познакомиться с сэром Фредериком? – спросила она, испытующе глядя на меня. Уголки ее губ тронула улыбка, она будто чувствовала мое замешательство, и оно ее забавляло.

– Я хотел, чтобы это стало сюрпризом для мисс Спидвелл, – солгал Стокер не моргнув глазом, – но предложил ей познакомиться с сэром Фредериком, чтобы изучить его работы.

Она медленно кивнула, будто нехотя принимая такое объяснение.

– Да, Фредди уникален и когда-то по достоинству оценил бы этот проект, но не сейчас.

– Почему не сейчас? – спросила я.

Леди Велли развела руками.

– Фредди – практически калека, – решительно сказала она. – Несколько лет назад у него начались приступы дрожи в конечностях. У него хватало сил, чтобы заниматься повседневными делами: писать письма, бриться – но он не мог уже держать кисть больше нескольких часов подряд. Он сде-

лал себе имя как раз на размере своих полотен: масштабные, огромные картины, больше самой жизни, вот они какие. Вам нужно посмотреть на мой портрет в клубе «Геликон», мой бюст там размером с младенца, – сказала она, хрипло рассмеявшись. – Но в нынешнем состоянии, когда он не может работать долго, полотну такого размера заняло бы у него годы. Он пробовал себя в миниатюрах, но для них нужна тонкость, на которую он больше неспособен. И он занялся дизайном мебели и перестройкой дома. Устрашающая громадина – внутри выглядит как Королевский павильон в Брайтоне.

– Хэвлок-хаус?

– Да, он, – кивнула она. – Ему от отца досталось приличное наследство. Вы слышали о Септимусе Хэвлоке?

Она поочередно посмотрела на меня и Стокера, и мы закивали.

– Да, Септимус был очень известным художником своего поколения. Портрет королевы Виктории в день коронации обеспечил ему попадание в Королевскую академию в беспрецедентно раннем возрасте, в семнадцать лет. Он написал всех коронованных особ в Европе, а закончил свои дни при дворе русских царей в качестве их личного художника. В общем, Фредди на жизнь вполне хватит его наследства.

Она замолчала и потянулась к миске с орехами и щипцам и увлеченно начала колоть орехи, а мы ждали, когда она закончит свой рассказ.

– Пока Фредди был молод, он не интересовался этим наследством. Хотел сам заработать много денег. Молодец, что тут скажешь. Нельзя полагаться только на семейные связи, – добавила она, многозначительно посмотрев на Стокера. – Если у человека есть таланты, нужно использовать их на благо королевы и страны.

Стокер рассматривал свои ногти и ничего не ответил.

– И сэр Фредерик сумел добиться успеха, – напомнила я.

– Да, это правда, – согласилась она. – Он был очень талантливым художником на своем уровне, но ему было не сравняться по гениальности с отцом, и это было для него болезненно, – сказала она мне, подтвердив свои слова уверенным кивком. – Когда тело Фредерика стало ему отказывать, он построил это удивительное монструозное здание на краю Холланд-парка, нечто среднее между жилым домом, студией и картинной галереей. Он хотел организовать клуб для поклонников искусства, чтобы они могли собираться там и устраивать дискуссии, а также пристанище для подающих надежды молодых художников.

– Очень великодушно с его стороны, – заметила я.

Леди Велли хмыкнула.

– Великодушно, да. Фредди может быть очень великодушным, но только когда ему самому это выгодно.

– А чем ему выгодно это предприятие?

– С ними он пытается играть бога. Он советует им, какую плату брать за свои работы, в какой художественной манере

ре писать, с кем спать. Когда вокруг него толпятся все его юные протеже, он чувствует себя все еще важной персоной, этаким *pater familias* для этой перспективной молодежи. Он знакомит их с богатыми покровителями – у этих людей денег больше, чем вкуса, и они могут позволить себе платить много за то, чтобы их научили, что нужно любить.

Мое сердце взволнованно забилося. Я все гадала, как лучше подвести леди Велли к разговору о Майлзе Рамсфорте, но она и сама подошла вплотную к этой теме.

Я широко раскрыла глаза и придала лицу самое невинное выражение.

– А не связан ли сэр Фредерик с бедным мистером Рамсфортом?

Темные глаза леди Велли блеснули.

– Майлзом Рамсфортом? Да, связан. Но странно называть его «бедным», девочка моя, если он убийца, приговоренный к смертной казни, – мягко добавила она.

– А вдруг он невиновен? – заметила я. – Он не предоставил никакого алиби.

– Что как раз и указывает на его виновность, – возразила леди Велли. – Но я вижу, вы оптимистка, мисс Спидвелл. Я часто наблюдала эту черту в лепидоптерологах.

– Я тоже ей об этом говорил, – вмешался Стокер.

Леди Велли задумчиво посмотрела на меня.

– Да, охотники на бабочек любят сложную погоню за красотой, которая может ускользнуть прямо из-под носа. Но

странное это занятие – охотиться на бабочек, а не на тигров, – тихо добавила она. – Вы собственноручно умерщвляете живые существа, правда, мисс Спидвелл? Интересно, сможете ли вы остановиться на бабочках?

Я потянулась к чашке и осторожно обхватила пальцами теплый фарфор.

– Смерть – это необходимый противовес жизни, леди Веллингтония.

Она вновь хрипло рассмеялась.

– Не стоило мне говорить об этом, мисс Спидвелл. Ведь я гораздо ближе к ней, чем вы.

В этот момент мистер Баринг-Понсонби громко всхрипнул и сам от этого проснулся.

– А? Что такое? Да, вот теперь я готов съесть пудинг, – сказал он, потирая руки. Он посмотрел в свою пустую миску с остатками крема англез на доньшке. – О, кажется, я его уже съел. Какая жалость!

Стокер придал своему лицу выражение ангельской невинности, а леди Велли поднялась.

– Ничего страшного, Сесил. Ты и так толстый.

Стокер предложил ей руку, а мистер Баринг-Понсонби пошел со мной. Час был поздний, напольные часы в прихожей отбили четверть первого ночи, когда мы вышли из маленькой комнаты для ужинов.

– Я должна поблагодарить вас обоих за очень интересный вечер, – сказала леди Веллингтония. Стокеру она подставила

щеку для поцелуя, а мне просто протянула руку. На ней были старомодные кружевные митенки, дорогие лоскутки, которые не могли скрыть дряблость ее рук и уж точно не грели ее, но она носила их лишь для того, чтобы показать: у нее достаточно денег на безделушки.

Я слегка коснулась шишковатой руки, осторожно, чтобы не дотронуться до пальцев с раздутыми суставами. Они были унизаны тяжелыми кольцами со старыми мутными бриллиантами.

Она медленно кивнула.

– Дайте мне знать, что у вас выйдет с Фредди, – сказала она, и мне показалось, что она при этом подмигнула. – Он не сможет написать вам ваши пейзажи, но, думаю, у него есть кто-то, кто на это согласится.

На этом она пожелала нам спокойной ночи, и из теплого и светлого главного дома мы вышли в темный сад с тяжелым от сгущающегося тумана воздухом. Для нас оставили фонарь, и Стокер нес его, освещая нам тропинку к Бельведеру, а собаки преданно бежали за нами. Не сговариваясь мы решили устроиться в нашем укромном уголке в Бельведере и пропустить по последнему стаканчику, вместо того чтобы расходиться на ночь по отдельным домикам, где обычно только спали.

Лорд Розморран великодушно обеспечил нас крышей над головой, разрешив нам выбрать себе для проживания по домику, из тех, что были рассеяны по всему имению; каж-

дый был украшен в каком-нибудь причудливом стиле, но все снабжены современными удобствами. Большинство молодых англичан, отправляясь в Гранд-тур, тратили деньги на коллекционирование предметов искусства и социальных недугов, но мужчины из рода Боклерков приобрели целую коллекцию небольших домиков, потратив на их транспортировку в Лондон огромные усилия и целое состояние. Время от времени их использовали как домики для игр, купальни, летние дома, гостевые дома, а в одном примечательном случае даже как хижину отшельника.

Но когда там поселились мы со Стокером, от отшельников не осталось и следа. Он выбрал себе китайскую пагоду, а я – готическую часовню с маленькими милыми горгульями и сводчатым потолком, расписанным звездами. К большому счастью, там было проложено некое подобие водопровода и проведен газ, так что уровень жизни в наших небольших жилищах оказался весьма удовлетворительным.

«Эх, если бы и остальные уголки этого имения были бы так же хорошо обжиты», – думала я по пути к Бельведеру. По лондонским меркам это была очень большая усадьба, хоть и могла показаться довольно скромной человеку, владеющему тридцатую тысячами акров в Корнуолле. Но просторы, очень удобные для лордов со страстью к коллекционированию всего на свете, требовали также и постоянного ухода, и за этим было крайне сложно следить. Между нашими маленькими домиками и Бельведером располагался стеклянный дом –

здание с чугунными литыми перекрытиями наподобие Хрустального дворца. Точнее говоря, это была его модель, построенная самим Джозефом Пакстоном, когда тот трудился над вариантами павильонов для Всемирной выставки. Когда-то он был потрясающей оранжереей для растений и птиц, которые коллекционировал отец нынешнего лорда, но сейчас стал просто бельмом на глазу: разбитых окон больше, чем целых, бурно разросшаяся вокруг здания сорная трава усеяна осколками стекла. Он был скрыт от главного дома зарослями граба, и наш покровитель, вероятно, из года в год просто не вспоминал о нем. Это было очень обидно. Строение являлось чудом современной инженерной мысли: в нем металл и стекло превратились в изящную кружевную конструкцию, неподвластную силе тяжести, парящую, будто хрустальный собор, ловящую и преумножающую любой солнечный луч. По крайней мере, такой она была, с грустью подумала я, до тех пор пока плохая погода и небрежение не сделали с ней своего черного дела. А теперь дом стоял сгорбленный и молчаливый, будто измазанный грязью, в тумане, как бы стыдясь своего изуродованного величия, как куртизанка в оспинах, случайно застигнутая при свете дня.

– Лорд Розморран должен что-то с ним сделать, – проворчала я. – Лучше уж вовсе снести его, а пространство использовать для чего-то более полезного.

– Типа теннисного корта? – с иронией спросил Стокер. Нас объединяло презрение к организованным видам спорта.

– Типа стрельбища, – возразила я. – Мне бы не помешало место, где можно спокойно практиковаться.

– Когда рак на горе свистнет, – ответил Стокер. Вдруг он остановился, а потом так резко дернулся назад, что я врезалась ему в спину – груду мышц, непроходимую, как стена. Собаки, почуяв его настроение, начали крутиться вокруг нас, обнюхивать землю и подвывать.

– Стокер, что случилось, черт возьми?!

Он остановился прямо перед входом в Бельведер, ничего не сказал, но высоко поднял фонарь и кивнул головой в сторону двери. Она была закрыта, так же, как после нашего ухода, но теперь к ней канцелярской кнопкой был прикреплен клочок бумаги.

Стокер оторвал записку и поднял фонарь так, чтобы нам обоим было видно. Это был простой листок писчей бумаги, и на нем жирными и грязными (явно писали плохо чиненным пером) заглавными буквами, почти насквозь продиравшими клочок бумаги, было написано:

ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭТОГО —

ИЛИ ТЕБЯ ЖДЕТ ТА ЖЕ УЧАСТЬ

Собаки, до того кружившие около нас и подвывавшие, вдруг сорвались с места и бросились вглубь сада, лая, как

свора охотничьих псов, выследивших лису, а от задней стены стеклянного дома отделилась какая-то тень и пустилась бежать, полы черного плаща развевались у нее за спиной, как крылья падшего ангела.

Стокер сразу же помчался вслед за собаками, выхватив нож из голенища сапога. Подобрал юбки и высоко подняв их обеими руками, я побежала за ними, продираясь через живую изгородь и прислушиваясь к лаю собак. Никто из нас не подумал захватить фонарь, и в темноте я обо что-то споткнулась (опять эта несчастная Патриция, заметила я с некоторым негодованием) и упала, а к тому моменту, когда поднялась на ноги, преследование уже закончилось. Стокер вместе с собаками возвращался назад, мокрый от густого тумана и дрожащий от ярости.

– Поймали?

– Ушел, – с горечью ответил он, стягивая с себя промокшие сюртук и жилет. – Пролез в дыру в ограде в восточном углу, где осыпались кирпичи. Все, что мне оставалось делать, – не пускать собак следом.

– Бесплезные создания, – сказала я, запустив их внутрь и выдав каждой по мозговой косточке за труды. – Они могли как минимум добыть нам какую-нибудь зацепку.

Стокер снял рубашку, вытер ею мокрое лицо и сырые волосы и надел обратно.

– Но они добыли, – сказал он, победно улыбнувшись. Он протянул мне лоскуток, дюйм на два, не больше.

– Что это?

Я покрутила тряпочку в руках: простая шерстяная ткань, аккуратные стежки.

– Кто бы это ни был, он был в плаще. Гексли удалось ухватить его зубами за подол и оторвать кусочек, пока этот тип пробирался сквозь щель в стене.

– Хотя бы ты заслужил свою косточку, – сказала я Гексли, бросив осуждающий взгляд на Бет. Она радостно сопела, обгладывая свою совершенно не заслуженную награду.

– Можешь что-нибудь понять по ткани? – спросила я Стокера, возвращая ему лоскуток.

Он пожал плечами.

– Ничего особенного. Но все-таки это своеобразная подсказка. Интересно, что за злодей удирал от нас в тумане?

– А мы не сомневаемся в том, что причиной этому – дело, которое мне поручила принцесса Луиза? – спросила я.

Стокер закатил глаза.

– Ты часто получаешь записки с угрозами от незнакомцев?

– Ну не то чтобы часто... – с сомнением в голосе ответила я.

Он прищурился.

– Вероника...

– Понимаешь, среди коллекционеров встречаются очень упорные и злопамятные люди. Ведь бывают такие виды бабочек, которые стоят больше, чем все это имение.

– И ты владеешь такими экземплярами?

– Сейчас – нет, – просто ответила я.

Он на секунду задумался.

– Кажется, я выбрал себе неправильный раздел науки.

– Несомненно. Я взяла пять фунтов с лорда Боуэна за милый маленький экземпляр *Euploea mulciber*, который смогла найти для него на прошлой неделе.

Стокер приподнял брови.

– Это полосатая синяя ворона, – объяснила я. – Маленькая нимфалида, обитает в Индии. Я связала его с посредником в Мадрасе, у которого как раз оказалась особь мужского пола с удивительной мутацией...

– Вероника... – Его голос звучал тихо и сдержанно, это означало, что он изо всех сил держит себя в руках и буквально через несколько секунд лишится самообладания. Я поборола в себе искушение вывести его из себя: ничто так не возбуждало меня, как Стокер в ярости, но я давно поклялась себе никогда не спать с англичанами и, хоть Стокер довольно часто колебал мою решительность, пока держалась.

– Нет, Стокер. Я не знаю никого, у кого была бы причина нам угрожать.

– Нам? – удивился он.

– Она же не адресована мне лично, – заметила я. – И оставили ее там, где работаем мы оба. Не меньше вероятность, что она предназначена тебе.

Он отшатнулся с возмущением.

– Да кто может хотеть убить меня?!

– А ты подумай хорошенько. Мне кажется, у нас получится немаленький список, – мягко ответила я.

Стокер вздохнул.

– Я почти весь день провел, сражаясь с непокорным крокодилом, – сообщил он мне. – И мне совершенно не хочется бороться всю оставшуюся ночь с тобой. Пойдем.

Он свистнул собак, поднял фонарь и направился к выходу, потянув меня за собой другой рукой.

– И куда же мы идем? – спросила я.

– В постель.

Глава 6

Со смесью раздражения и облегчения я поняла, что приглашение в постель имело лишь буквальный смысл. Он накрепко запер нас в моей маленькой готической часовне и улегся спать рядом со мной, упершись головой в изножье кровати, а ноги положив мне на подушку. Мы уже не в первый раз спали таким чудным образом и, думается мне, не в последний. В моей голове роились сотни вопросов, но я все их прогнала, начала обратный отсчет от ста на тагальском языке и вскоре погрузилась в сон.

Наутро я смогла насладиться прекрасным зрелищем: Стокер, потягиваясь, надевал рубашку.

– Никакие злодеи больше не пытались что-нибудь нам написать? – сострила я.

Он сердито взглянул на меня.

– Кем бы ни был тот, кто оставил нам эту записку, он оказался достаточно дерзким, чтобы пробраться в частные владения графа, и довольно быстрым, чтобы уйти от преследования.

– Напрасно ты так высоко ценишь свой пол, – заметила я. – Наш злодей может быть и женщиной.

Он фыркнул.

– Неужели ты правда думаешь, что женщина может от меня ускользнуть?

Я осмотрела его с головы до ног: черные взъерошенные волосы, огрубевшие от работы руки, сильные мускулистые плечи и ноги.

– Не могу представить себе женщину, которая захотела бы это сделать, – ответила я, яростно хлопая ресницами.

– Прекрати флиртовать со мной, это не шутки, – велел он. – Ты согласилась оказать принцессе эту удивительную услугу, и буквально через несколько часов нам уже кто-то угрожает. Тебе не хочется после этого сразу все бросить?

– Нет, – медленно ответила я. – Наоборот, я теперь настроена решительнее. По одной простой причине.

– Чертово упрямство? – спросил он.

Я поморщилась.

– Мы еще палец о палец не ударили, чтобы начать это расследование, а у нас уже есть ключ. Кто бы это ни написал, он оставил нам доказательство того, что Майлз Рамсфорд действительно невиновен.

Улыбка расплзлась по его лицу.

– А ты права. И, кто бы это ни был, он сейчас очень напуган. Но почему?

– Потому что знает, кто на самом деле убил Артемизию, – предположила я.

– И не хочет, чтобы правда открылась. Признаюсь, тут все очень логично. Но как они вообще о нас узнали? Мы пока еще не разворошили ни одного осинового гнезда.

Я немного подумала.

– Но принцесса Луиза уже разворошила. Она сказала мне, что собирается вечером за ужином поговорить об этом с Оттилией Рамсфорт и сэром Фредериком. Она хотела облегчить нам задачу: подготовить их к тому, что мы будем задавать вопросы по ее просьбе.

– И кому-то это совершенно не понравилось, – закончил он.

– Но ведь это его жена и его свояк! Они же непременно должны хотеть, чтобы его оправдали. И не забывай, Хэвлок-хаус – связующее звено в этой истории. Майлз Рамсфорт был покровителем этого места, а убитая женщина там жила. И, предположительно, все самые близкие ей люди тоже там живут. Оттилия Рамсфорт тоже переселилась туда, когда арестовали ее мужа. Так или иначе, но в этой своеобразной общине сэра Фредерика мы и должны искать ответы.

– И кто-то из них хочет, чтобы мы не будили спящих собак, – заметил Стокер.

Я улыбнулась.

– Невозможно придумать лучшего начала для расследования, чем угрозы причинить физический вред, – сказала я ему. – Аркадия Браун только об этом и мечтала бы.

Я хотела бы начать расследование с места преступления –

спальни Рамсфорта в имени Литтлдаун, но прежде нужно было получить разрешение у Оттилии Рамсфорт, и, должна признаться, мне было очень любопытно узнать, что это за дама. Я провела день, распаковывая контейнеры из третьей экспедиции графа в Гималаи, а Стокер с воодушевлением занимался набивкой своего крокодила. Когда мое терпение окончательно иссякло, я оторвала Стокера от работы, заманив его обещанием свиного рулета и холодного мясного пирога, которые нам прислали из кухни в особняке, а потом отправила его приводить себя в порядок, чтобы он хоть приблизительно стал похож на человека, которого можно принять в Хэвлок-хаусе. Немногим позже восьми мы сели в наемный экипажи быстро покатали в сторону Холланд-парка.

Стокер вполне предсказуемо пребывал в мрачном настроении. Он наконец-то существенно продвинулся в работе с крокодилом, а я увезла его из мастерской туда, где могло не оказаться ничего стоящего. Я знала, что он не одобряет моей решимости докопаться до истины в этом деле, и то, что он был сейчас рядом, пусть и недовольный, было знаком его особого ко мне расположения.

– Там будет просто кучка скучающих аристократов и стремящейся к славе богемы, и не знаю даже, кто из них утомительнее, – предупредил он меня. – Они все готовы делать громкие заявления только для того, чтобы шокировать окружающих, но каждый в действительности испугается даже мыши.

Несмотря на плохое настроение, Стокер очевидно начал дрожать от нетерпения при приближении к Хэвлок-хаусу, как гончая перед тем, как ее выпустят на охоту. Он мог быть недоволен моей склонностью втягивать нас в непонятные расследования, при этом не меньше, чем я, любил погоню. Но даже он остановился на пороге, запрокинув голову и рассматривая Хэвлок-хаус.

– Ну и монстр, – выдохнул он. – Но какой величественный монстр!

И он был прав. В энциклопедии «Великие британцы», в статье о сэре Фредерике, был абзац, описывающий строительство этого здания: предприятие заняло чуть не целый десяток лет и стоило ему всего отцовского состояния. На первый взгляд казалось, что это простой и функциональный жилой дом с фасадом из красного кирпича и известняка, тут и там прорезанный окнами с частым переплетом в стиле Тюдор. Но при более внимательном рассмотрении открывались неожиданные элементы. Балкончики и бойницы, башня, вырисовывающаяся над остроконечной крышей, – своеобразная ведьмина шляпа, столь любимая эксцентричными французскими архитекторами. На небольшом прудике перед домом покачивалась миниатюрная гондола, а крытая галерея у входной двери вся была увешана китайскими фонариками.

Стокер восторженно осматривал здание.

– Забудь, что я говорил, – пробормотал он. – Здесь чувствуется рука гения. Теперь меня и силком не оттащишь от

этого расследования.

Я улыбнулась, и мы вошли внутрь; вечер был уже в разгаре, чему мы совсем не удивились. У дверей не было призрачника: видимо, сэр Фредерик не любил церемоний и был рад всем гостям. Но я совершенно не ожидала застать в доме такое настроение. Хоть там и были заметны некоторые траурные элементы, в целом все же царил карнавальное настроение. Все внутренние двери были распахнуты, и люди переходили из комнаты в комнату, тихо беседуя и, что было совсем уж неожиданно, приглушенно смеясь. В центре здания располагался большой холл, украшенный восточными изразцами, посреди которого журчал фонтан, а над головами парил золоченый купол. Во все стороны от холла тянулись галереи к разным частям здания, каждая из которых была выполнена в своем цвете: здесь – красный, как в Помпеях, там – генуэзский зеленый. Зал для приемов отдавал дань Востоку – множеством сцен из «Тысячи и одной ночи» под арабским небом: купол был расписан лазурью и серебристыми созвездиями. В центре фонтана, может быть, слегка неуместно, была помещена статуя девушки, которая, приложив руки рупором ко рту и повернув голову, смотрела через плечо назад. На бронзовой табличке у ее ног было написано просто «Эхо»; я была поражена этой нимфой, тем, как переданы ее чувства, – настоящий шедевр.

Будучи не менее желанными гостями, чем все остальные, мы бродили по залу и заглядывали в разнообразные мастер-

ские и студии, тянувшиеся в задней части Хэвлок-хауса; большие, от пола до потолка, окна были распахнуты в сад, откуда в дом лились аромат поздних роз и неожиданно дурманящий тяжелый запах туберозы. Огромные букеты лилий в вазах стояли у каждой двери, как ароматные стражники, а в главной столовой был накрыт стол с холодными мясными закусками и огромным выбором алкогольных напитков на любой вкус, и мы со Стокером налили себе по бокалу неожиданно изящного красного вина, продолжая рассматривать толпу.

Нокакая это была толпа! Я все не могла понять, что это за мероприятие: траурное или развлекательное. Жонглер соперничал за внимание с группой музыкантов, игравших невероятно трагичные похоронные мелодии, а акробатка складывалась совершенно причудливым образом совсем рядом с профессиональной плакальщицей, с головы до ног одетой в самый густой и непроницаемый траур, с вуалью на лице. Я замерла в восхищении, любуясь гибкостью акробатки, когда затылком ощутила, что ко мне кто-то приближается.

К нам подошла женщина, облаченная в дорогой траурный наряд. Ее лицо не было красивым, слишком уж неправильными были ее черты. Нос чуть длинноват, глаза сильно расставлены на молочно-бледном лице. Но руки красивые, с длинными и тонкими пальцами, как у скрипача. Темно-каштановые волосы, кое-где подернутые сединой, заплетены в

косу и сложены на затылке в тяжелый узел, а единственными украшениями были тонкое золотое обручальное кольцо и пара блестящих гагатových серег, которые дрожали, когда она поворачивала голову. Она приблизилась к нам, и ее тонкие губы изобразили слабую приветственную улыбку.

– Думаю (простите меня, если ошибаюсь), что вы, должно быть, мисс Спидвелл, не так ли?

Я поняла, что ее истинной красотой был именно голос: низкий и мягкий, привлекательно музыкальный.

– Да, это так.

После секундного колебания улыбка сделалась шире.

– Я Оттилия Рамсфорт. Ее высочество сказала, что мы должны ожидать вашего визита. И вашего друга, – добавила она, бросив на Стокера приветственный, но напряженный взгляд.

Он поклонился.

– Я Ревелсток Темплтон-Вейн, миссис Рамсфорт.

– Знаю. Мы долго обсуждали вас с принцессой.

Я подавила улыбку. Только заверения принцессы могли кого-либо убедить в том, что Стокер – не разбойник с большой дороги. Утверждая, что его глаз (в прошлом серьезно поврежденный) устал, он надел глазную повязку; он часто так поступал, но я подозревала, что это было своего рода озорством. В семействе Темплтон-Вейн Стокер считался паршивой овцой и старался держаться насколько возможно дальше от общества. Сейчас он по необходимости оказался в

самом его сердце, и это должно было пробудить в нем самые худшие инстинкты и стремление к неповиновению. В данном случае это означало выставить напоказ свое удивительное сходство с преуспевающим пиратом, дополненное длинными локонами и свисающими из ушей золотыми кольцами. Без сомнения, его очень раздражало, что многочисленные татуировки, приобретенные в странствиях, были скрыты под одеждой, но некоторым утешением должна была служить прекрасная физическая форма, подчеркнутая костюмом. Кажется, все это очень нервировало миссис Рамсфорт, потому что во время нашего разговора она много раз бросала на него беспокойные взгляды.

– Я не ожидала, что это будет столь масштабное мероприятие, – заметила я. – Надеюсь, мы вам не помешали?

– Ну что вы! – искренне возразила она. – Сэр Фредерик любит устраивать подобные приемы несколько раз в месяц. Это хорошая возможность для художников и артистов продемонстрировать свои способности в неформальной обстановке, познакомиться с потенциальными покровителями или моделями. Здесь всем рады. Праздник продолжится до глубокой ночи и, боюсь, позже станет гораздо более буйным, – добавила она с некоторым осуждением в голосе.

– Вам неинтересны эти представления? – спросила я.

Она покачала головой, и маленькие черные шарики в ее ушах зазвенели, будто танцуют.

– Не совсем так, – возразила она. – Подобные мероприя-

ятия совершенно необходимы для такого дела, как то, чем занимается мой зять. Он оказывает большую услугу своим протеже, находит для них выгодные заказы. Просто время и тематика сегодняшнего вечера кажутся мне не очень уместными.

Посмотрев на задрапированные крепом зеркала и профессиональную плакальщицу, я готова была с ней согласиться. Очень сомнительная идея, учитывая, что Майлза Рамсфорта должны были через неделю повесить. Я заметила также, что плакальщица подвинулась к нам ближе, явно прислушиваясь к нашему разговору.

– Может быть, мы можем найти более укромное место для беседы? – спросила я.

На ее лице отразилось облегчение.

– Да, так будет лучше. Давайте поднимемся ко мне в комнаты.

Мы последовали за миссис Рамсфорт, пробиравшейся через толпу гостей. На середине лестницы она остановилась и указала на статую Эхо.

– Встав на любой ступеньке лестницы, можно услышать все, что говорится в холле, – сказала она нам. – Это странное свойство здания, фокус сэра Фредерика.

Я окинула взглядом толпу внизу, размышляя, может ли кто-то из них быть нашим ночным гостем.

– Скажите, миссис Рамсфорт, – спросила я обыденным тоном, – вчерашний ужин с принцессой Луизой был приват-

ным?

Изящная рука замерла на перилах.

– Нет, что вы. Сэр Фредерик устроил ужин не менее многолюдный, чем сегодняшний прием.

Она повернулась и продолжила подниматься по лестнице, а мы со Стокером обменялись многозначительными взглядами у нее за спиной. Если кто-то подслушал беседу принцессы Луизы с сэром Фредериком, что казалось вполне возможным в суеде Хэвлок-хауса, любой из гостей, присутствовавших вчера на ужине, мог спокойно ускользнуть и доставить нам записку с угрозой.

Миссис Рамсфорт повела нас в крыло дома, расписанное гонуэзским зеленым; мы прошли в небольшие двери под стрельчатой аркой.

– Еще одно талантливое решение моего зятя, – сказала она, впустив нас внутрь и мягко закрыв за нами дверь. Мы оказались в небольшой гостиной, непримечательной по размеру, но совершенно не похожей ни на одну гостиную, в которых мне довелось побывать. Это вполне могло быть жилищем Титании: стены окрашены в градации зеленого, а потолок сине-голубой, задрапированный парящими облаками. Мебель причудливых форм из позолоченного дерева, с готическими арками в качестве рефрена, а все подушки сделаны из зеленого бархата, расшитого золотыми нитками.

– Как необычно, – выдохнула я.

Миссис Рамсфорт улыбнулась.

– Сэр Фредерик эксцентричен, но гениален. И он очень добр ко мне.

Не спросив, она налила каждому из нас понемногу прозрачной жидкости в изящные хрустальные стаканы.

– Пейте осторожно, – предупредила она.

Стокер сделал глоток, и по его лицу расплзлась довольная улыбка.

– Ципуро!⁶ – сказал он.

Ее бледное лицо немного оживилось.

– Вы его знаете?

– Я несколько лет служил во флоте ее величества, – ответил он. – Мы возвращались домой через Грецию после операции в Египте.

Я осторожно сделала глоток. Этот напиток оказался похож на тот жидкий огонь, что я открыла для себя в Южной Америке, – агуардиенте, почти безвкусный и невероятно крепкий.

– А вы как узнали об этом напитке? – спросила я ее.

Себе она не взяла стакан и сидела, спокойно сложив руки на коленях, мраморно-белая кожа казалась еще бледнее на черном бомбазине платья.

– Мы с мужем часто путешествовали по тем краям из-за его интереса к древнегреческому искусству. Во время последней поездки купили там виллу, и я собираюсь уехать туда жить, когда... когда... – Она не смогла продолжить, чув-

⁶ Греческая виноградная водка.

ства захлестнули ее.

Через минуту она собралась с силами.

– Простите меня. Мне сейчас очень тяжело.

– Невозможно и вообразить такое, – честно сказала я ей. –

Но мы хотели бы вам помочь.

Она сжала руки.

– Да, так сказала принцесса. Простите меня, мисс Спидвелл, но мне кажется, это совершенно невозможно.

Ее голос звучал глухо, а весь ее облик говорил о волнении, о том, что она вот-вот сорвется. Я посмотрела на Стокера, и он еле заметно повел подбородком, показывая мне, что нужно применить другую тактику. Из нас двоих у Стокера было гораздо больше опыта в обращении с женщинами, поэтому я подчинилась.

– Действительно, очень великодушно со стороны сэра Фредерика пригласить вас пожить в этом доме, а какую доброту он проявляет, когда позволяет обитать здесь своим протеже!

От смены темы она заметно повеселела, и я заметила, что ее руки сразу расслабились.

– Он, несомненно, самый гостеприимный джентльмен из всех, кого только можно себе представить, – сказала она с твердостью, которую я прежде в ней не замечала.

– И именно здесь жила та несчастная молодая женщина, Артемизия, если не ошибаюсь?

– Да.

– Расскажите мне о ней, – попросила я.

Она немного помолчала, а потом медленно покачала головой.

– Даже не знаю, как ее описать. Я бы не сказала, что она была красивой. Но она была яркой. Очень высокая, статная, – добавила она. – Копна волос. Они были рыжими, говорят, это к несчастью, но она носила их распущенными, и ей очень шло. Жизнь всегда так и была из нее ключом, она ко многому проявляла живейший интерес.

Ее взгляд затуманился.

– Она была очень талантливым художником, мисс Спидвелл, очень талантливым. Особенно хорошо ей удавались фрески. Она как раз завершила одну для нас в Литтлдауне, когда ее... – ее голос сорвался, но вскоре она собралась с силами и заговорила решительнее: – У нее было множество талантов, и ее смерть шокировала всех.

– Наверное, сэр Фредерик особенно огорчился, – заметила я с подчеркнутой вежливостью.

Она поняла мой намек и строго на меня взглянула.

– Не думайте, что между ними было что-то дурное. Фредерик всегда питал слабость к молодым женщинам, но ограничивался простым флиртом с натурщицами. Он бы никогда не связался с художницей. Он считает, что сердечные дела могут помешать творчеству, прогнать музу, как он сам выражается.

– И ему никогда не хотелось немного отогнать музу Ар-

темизии, эффектной молодой женщины, жившей с ним под одной крышей? – надавила я.

Она замотала головой так, что гагатовые шарики яростно зазвенели.

– Нет, не хотелось. К тому же здоровье не позволяет ему... как бы это сказать, – запнулась она и, покраснев, покосилась на Стокера: – Его натура теперь несколько ограничивает его желания. После смерти Артемизии он практически прикован к батскому креслу⁷. Иногда я думаю...

Ее голос дрогнул, и Стокер подался вперед, с сочувствием глядя на нее.

– Да? – спросил он гораздо более ласковым голосом, чем обычно обращался ко мне. – О чем вы думаете, миссис Рамсфорт?

– Артемизия была немного похожа на мою сестру Августу. Знаю, это звучит странно, но иногда я думаю, может быть, интерес к ней сэра Фредерика был связан с тем, что она напоминала ему любимую женщину.

– Когда умерла ваша сестра? – спросила я. Кажется, мой вопрос ее немного расстроил. Она потянулась к Стокеру, как цветок к солнцу, но от звука моего голоса снова вся будто сжалась.

– Десять лет назад. В родах, – ответила она, вновь заметно нервничая.

⁷ Одноместный трех- или четырехколесный экипаж, которым часто пользовались инвалиды. В него могли впрягать лошадь или просто толкать сзади.

– А ребенок выжил?

– Нет. Никто из ее детей не выжил. И из моих – тоже, – коротко ответила она. – Нашей семье не была послана плодовитость, мисс Спидвелл.

Я взглянула на Стокера. Мои навязчивые вопросы ее раздражали. Я надеялась, что Стокер сможет ее немного смягчить.

Он героически принялся за дело.

– Расскажите мне о леди Хэвлок, – ласково попросил он. – Думаю, она была удивительной женщиной.

– Да, это правда, – сказала миссис Рамсфорт, и ее глаза вдруг загорелись преданностью. – Она была старше меня всего на одиннадцать месяцев, и нас растили почти как близнецов. Няня одевала нас одинаково. Гувернантки учили нас вместе. И не было такого развлечения, которое бы я не делила с Августой, – добавила она, улетая мыслями в воспоминания. – Она была моей лучшей подругой. Потерять ее – да даже думать об этом было страшно.

Она замолчала, почти конвульсивно сжав руки.

– Конечно, сэру Фредерику пришлось еще хуже. Она была его женой, и он нежно любил ее, несмотря на все ссоры.

– А они ссорились? – задал следующий вопрос Стокер. Легкая улыбка коснулась ее губ.

– Постоянно. Они ругались из-за денег, из-за его любовниц. Но они были по-настоящему близки и невероятно преданы друг другу. Они подпитывались ссорами, понимаете.

Оба были очень страстными людьми.

При последних словах она вновь покраснела, будто устыдившись мысли о том, в чем еще эта пара могла быть страстной.

– Не знаю, что бы я делала после ее смерти, если бы не мой муж, – продолжала она.

– Он стал вам утешением в скорби? – ласково предположил Стокер.

– Он не дал мне замкнуться, – объяснила она. – Не позволил сидеть и тосковать. Он отправился со мной путешествовать. Мы два года провели в Греции, карабкаясь по камням и развалинам, изучая язык и погружаясь в мифы. Все это очень мне помогло. Вот почему теперь, – она замолчала и глубоко вздохнула: – Вот почему теперь я собираюсь туда вернуться. Он очень этого хочет.

– Мистер Рамсфорт сам сказал вам об этом? – вмешалась я.

Она дернулась как испуганная лошадь.

– Я не виделась с мужем уже несколько недель, – призналась она. – Он больше не позволяет мне себя навещать. Он передал сообщение через своего солиситора о том, что я должна уехать из Англии, чтобы избежать скандала. Я сопротивлялась как только могла, но теперь, когда конец близок... – Она снова прервалась на полуслове и прижала руку ко рту. В ту же секунду Стокер опустился перед ней на колени и протянул ей один из своих огромных алых носовых

платков. Она взяла его и прижала ко рту, а ее плечи тихо вздрагивали от сдерживаемых рыданий.

Через некоторое время она попыталась отдать платок, но Стокер вложил его обратно ей в руки и накрыл их сверху своими.

– Простите мне эту вольность, миссис Рамсфорт, – сказал он наконец, выпустив ее руки и сядясь обратно на свое место. – Не могу спокойно смотреть на даму в расстроенных чувствах.

Я чуть не закатила глаза от такой выдумки. Но миссис Рамсфорт проглотила наживку и одарила Стокера обезоруживающе нежной улыбкой. Стокер сразу же воспользовался случаем.

– Миссис Рамсфорт, мы совсем не хотим вас расстраивать, но очень желаем добиться правды в этом деле.

– Правды? – переспросила она с такой неприкрытой болью, переводя взгляд с меня на Стокера, что мне стало трудно дышать. – А разве вы еще не знаете правды, мистер Темплтон-Вейн? Вы не можете расстроить меня еще сильнее, потому что я уже живу с самой страшной болью.

– С самой страшной болью? – эхом отозвался Стокер.

– Вы пришли сюда потому, что хотите доказать, что мой муж невиновен. Но это невозможно.

Я уставилась на нее.

– Миссис Рамсфорт, вы хотите сказать...

– Да, мисс Спидвелл, – прервала она меня гораздо более

резко, чем можно было от нее ожидать. – Он убил Артеми-
зию, и очень скоро его за это повесят.

Глава 7

После заявления Оттилии Рамсфорт в комнате повисло напряженное молчание. И мне пришлось его нарушить.

– Но принцесса Луиза... – начала я.

– Ее высочество – друг, и она хочет помочь мне и моему мужу, – спокойно сказала миссис Рамсфорт. – Она хочет верить, что он невиновен, потому что не готова согласиться с тем, что кто-то из дорогих ей людей может быть способен на такую жестокость.

– А вы думаете, что он виновен? – быстро спросил Стокер. Оттилия Рамсфорт кивнула.

– Мистер Теплтон-Вейн, я знаю своего мужа уже много лет, мы познакомились задолго до того, как поженились. Я знала его и мальчиком, и мужчиной и, да простит меня Бог, могу вам сказать, что видела в нем слабости. Вы не можете даже и представить себе, как больно мне говорить правду, но я не могу лгать. Я защищала его во время его прежних прегрешений, совершенно безобидных, – сказала она, махнув рукой, будто боясь, что я ее перебую. – Неосторожное поведение, которое может расстроить только жену. Он часто мне изменял, и я с радостью это ему прощала.

– С радостью?! – воскликнула я. Мне трудно было представить себе женщину, которая была бы рада тому, что человек, которого она любит, согревает ложе другой женщины.

Она улыбнулась усталой улыбкой – такая усталость возникает с годами.

– Вы не были замужем, мисс Спидвелл. И даже не знаете еще, что это значит – любить другого человека больше, чем себя. У меня совсем не осталось ни гордости, ни стеснения. Я не могу их себе позволить. А потому скажу вам правду. Больше всего на свете я желала, чтобы он был счастлив. К сожалению, не оправдавшиеся надежды на мое материнство означали, что я не могла вполне удовлетворить его на супружеском ложе, – добавила она, старательно избегая взгляда Стокера. – Но его отношения с другими женщинами всегда были лишь временным увлечением. Только я была для него важна, а женщина многое может простить, если знает, что она – королева сердца своего мужа. Я всегда правила там безраздельно.

– Даже когда его вниманием завладела Артемизия? – спросила я. Это был ужасный вопрос, но я знала, что обязана его задать, и, к ее чести, она не дрогнула, услышав его, а ответила спокойно и с полной уверенностью.

– Артемизия была милой девочкой, но просто последней в длинной череде ей подобных. Майлз восхищался ее талантом, к тому же его привлекло симпатичное личико. Однако он устал бы от нее рано или поздно, как уставал от всех остальных.

– Но там был ребенок, – тихо заметил Стокер.

– Да, был, – согласилась она. – И мы бы честно обошлись

и с ней, и с ее малышом. О них бы позаботились, как и положено поступать при подобных ошибках джентльмена.

– Но в чем же тогда дело? – спросила я. – Зачем ему нужно было убивать Артемизию?

– Не знаю, – прошептала она и сжала губы. – Как бы я хотела знать. Было ли это временное помутнение или какая-то глупая игра пошла не так? Шутка, обернувшаяся трагедией? Ах, если бы он только все рассказал...

– Но он не расскажет, – напомнила я ей.

– Нет, не расскажет, – выпалила она, – вот почему мне приходится думать, что он, вполне вероятно, виновен. – Она глубоко и судорожно вздохнула. – Он всегда рассказывал мне о своих похождениях. Мы обычно над ними смеялись. Он был похож на провинившегося ребенка, ищущего прощения. И никогда не мог полностью успокоиться, пока не расскажет мне обо всем, что натворил. Но об этом он не расскажет, пойдет на смерть с этим поступком на совести, и этот грех я не смогу ему отпустить. Только Бог может.

– А если нечего отпускать? – спросила я.

Она еще раз глубоко вздохнула, и дрожавшая на ее губах улыбка сделалась приторно-ангельской. Она встала, и я поняла, что наша встреча окончена.

– Можем ли мы посетить Литтлдаун? – спросил Стокер. – Наверное, стоит посмотреть на место, где все это произошло.

– Конечно. Только это может занять несколько дней, – сказала она извиняющимся тоном. – Я уехала оттуда очень

поспешно. Сначала мне ужасно досаждали газетчики, потом начали прибывать зеваки – и все эти люди толпились за оградой. Некоторые пробрались даже на территорию усадьбы и липли к окнам. Это страшно меня расстраивало.

– Представляю себе, – сказал Стокер сочувствующим тоном.

– Уезжая оттуда, я закрыла дом – велела запереть ставни и задвинуть все засовы и отдала ключ солиситорам мужа. Они приставили к имению сторожа, всего-навсего местного старика с собакой, но это все же лучше, чем оставлять поместье совсем без присмотра. Мне нужно будет позвонить солиситорам и попросить их вернуть ключ. Они могут не сразу обратить внимание на подобную просьбу, а у Майлза осталось всего несколько дней до того... – она не смогла продолжить, но вскоре снова взяла себя в руки: – Я очень постараюсь.

Она проводила нас к двери и пожала нам обоим руки.

– Все это так странно. Прошу вас, поймите меня. Я искренне желаю вам успеха в ваших поисках, но не верю, что вы сможете доказать его невиновность, и даже не смею думать о том, что это возможно. Понимаете, надеяться – слишком больно. Я должна думать о нем как об уже умершем, потому что именно таким он вскоре и станет, и, боюсь, тут даже вы ничем не сможете помочь.

– Мы постараемся, – пообещала я ей.

Ее глаза вдруг наполнились слезами.

– Да поможет вам Бог, мисс Спидвелл, да поможет вам

– Очень интересная дама, эта миссис Рамсфорт, – заметила я, пока мы со Стокером неспешно спускались вниз по лестнице. В ответ он только хмыкнул, и мы не сговариваясь оба свернули в сторону гостиной, где были накрыты столы с угощением. Чтобы оправдать свое бесцельное блуждание по дому, мы наполнили тарелки едой и, принявшись за пирожки с лобстерами и холодную индейку, медленно шли по периметру комнаты и любовались произведениями искусства. Сперва мое внимание привлекла статуя Ахилла-ребенка, но потом мой взгляд обратился к огромному полотну, растянувшемуся на всю дальнюю стену: в нем чувствовался немалый талант художника, а витиеватая подпись золотой краской гласила «Артемизия».

Сюжетом картины была смерть Олоферна от рук Юдифи, и выполнена она была совершенно завораживающе. Руки жертвы свободно раскинуты во сне, голова откинута назад, и видно, что длинная шея абсолютно беззащитна. Напротив, руки убийцы напряжены, на лице решительность – глаза прищурены, между зубами зажат кончик розового языка, и она уже наклонилась над жертвой. Артемизия Джентилески тоже писала эту сцену, но, в отличие от нее, наша Ар-

темизия выбрала момент непосредственно *перед* убийством. Никаких потоков крови и переплетенных в предсмертной борьбе рук, ни замершего на губах жертвы крика боли, ни страха. Это был момент, когда ничего еще не произошло, последний миг перед тем, как будет перейден Рубикон. Артемизия выхватила момент, когда Юдифь могла еще передумать, она не была пока убийцей. Эта возможность выбора делала картину более сильной и живой. Казалось, что зритель, осознав, в чем дело, может выхватить нож из ее руки и вывести ее из шатра, к спокойной жизни, к невинности. Ее глаза еще не были глазами убийцы.

Я рассматривала полотно от одного края до другого, снова и снова: плотные складки шатра в правом углу картины, затем фигуры в центре, потом пальцы Олоферна в левом нижнем углу, расслабленные во сне, чуть согнутый указательный направлен как раз на имя художницы – золотые завитки на белых простынях. Это был очень хитрый прием, он заставлял зрителя обратить внимание на подпись, но при этом она оказывалась частью всей работы. Артемизия аккуратно напоминала всем, кто смотрел на картину, что она сама является такой же ее частью, как Юдифь и Олоферн, что именно она, а не кто-то другой, наколдовала эту сцену.

– Потрясающе, – выдохнул Стокер, и тут я поняла, что мы не одни. Позади меня стояла девушка, миниатюрная, как эльф, ниже меня на голову. У нее были решительный подбородок и четко очерченные брови, какие не часто встретишь.

Все это придавало ей вид почти воинственной самоуверенности.

– Мы здесь не церемонимся, – сообщила она мне, протягивая руку. – Я Эмма Толбот.

– Вероника Спидвелл, – представилась я, отвечая на рукопожатие. – Вы здесь живете, мисс Толбот?

– Да. Я скульптор под покровительством сэра Фредерика.

Она повернулась, чтобы поздороваться со Стокером, и в этот момент мне показалось, что меня просто не существует. Она смотрела только на него, что совершенно меня не удивило. Он старательно работал над внешностью пирата, и отдавая дань тому времени, когда служил во флоте ее величества, и в качестве средства для отпугивания нежелательного женского внимания. Бедняга никак не мог понять, что это оказывало на женщин прямо противоположный эффект. Когда джентльмен с хорошим воспитанием и идеальным произношением надевает на себя личину головореза, женщинам трудно бывает удержаться от влюбленности. Я уже много раз наблюдала этот остекленевший, удивленный взгляд в глазах женщин, в которых, иногда даже против воли, зарождается подобный интерес. Сам Стокер никогда не замечал этого, до тех пор пока я ему на это не указывала, отчего он неизменно заливался таким прекрасным румянцем, который лишь подчеркивал его привлекательность. К его чести следует сказать, что он никогда не злоупотреблял этим дарованием. Он мог бы заманить в постель чуть не половину дам из высшего

общества этим неповторимым сочетанием красивой внешности и ужасного характера, но вел при этом совершенно аскетическую жизнь.

Я вздохнула в ожидании неизбежного и познакомила их.

– Мистер Темплтон-Вейн, – сказала мисс Толбот, сжимая его пальцы своими и положив свою изящную руку поверх его. – Счастлива с вами познакомиться.

– Польщен знакомством с вами, – последовал галантный ответ. Я закатила глаза, но ни он, ни она не обратили на меня никакого внимания. Мне показалось, я услышала легкий смешок, донесшийся от плакальщицы, стоявшей у стены, с лицом, скрытым под вуалью, но когда я бросила на нее удивленный взгляд, ее фигура не выражала ничего, кроме скорби.

– Что привело вас сегодня в нашу маленькую семью? – спросила она. – Вы были другом Артемизии?

На его лице отразилось страдание.

– Увы, не имел этого удовольствия. Но я понимаю, что эта художница обладала немалым талантом. Как же мы осиротели от этой утраты, а небеса должны ликовать сейчас, оттого что получили столь светлого ангела.

– О господи, – пробормотала я. Я подумала, что он слишком перегнул палку, и, к моей радости, мисс Толбот прыснула.

– Артемизия была таким же самобытным художником, как мелкий торговец, малюющий открытки к Рождеству – по

два пенни за дюжину, – язвительно заметила она. – У нее были таланты, но самый сильный из них – очаровывать влиятельных мужчин, которые могли бы что-то из нее сделать.

В этот момент я подумала, что мне нравится мисс Толбот, но не успела даже ни о чем ее спросить, как она начала ходить вокруг Стокера, осматривая его со всех сторон, как заводчик на конной ярмарке, выбирающий себе коня.

– Вы прекрасно подойдете, – сказала она наконец. – Мне нужно посмотреть на ваши бедра, прежде чем принять окончательное решение, но мне кажется, вы правда прекрасно подойдете.

– Бедра? Прошу прощения? – выдавил Стокер, уставившись на нее.

– Не глупи, Стокер, – вмешалась я. – Очевидно, мисс Толбот хочет, чтобы ты для нее позировал, предполагаю, в полуобнаженном виде.

– Полу-? Дорогая мисс Спидвелл, я хочу изобразить его Персеем, побеждающим Горгону. Он будет совершенно обнаженным, – поправила она меня с серьезным выражением лица.

– Совершенно обнаженным? – удивленно повторил Стокер.

– За исключением обуви, – уточнила мисс Толбот. – У Персея были очаровательные крылатые сандалии.

– Мне это известно, – напряженно ответил он. – Меня мучили классическим образованием.

– Мне кажется, это прекрасная идея, – быстро сказала я, многозначительно взглянув на Стокера поверх головы мисс Толбот. Если я когда и сожалела, что не владею даром телепатии, то именно в тот момент. Если нам нужно было рыскать по Хэвлок-хаусу, как хорошо было бы иметь для этого оправдание – работу с одним из художников. Нам никак было не выяснить, кто из них знал о наших истинных намерениях, но чем более безобидным казались бы наши визиты, тем лучше.

Но не успел Стокер ответить, как воздух наполнился воплем, которому позавидовала бы и сирена. Мы все разом повернулись и увидели, что в дверях стоит мужчина, а я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам. На нем был пиджак переливчатого синего цвета – несомненно, чтобы привлечь внимание к его удивительным глазам, наполненным прозрачными слезами. Его волосы были не просто светлыми, а золотыми, будто написаны рукой художника эпохи Возрождения. Нежно очерченные скулы, будто у серафима, идеальный подбородок и губы, как розовые бутоны, просящие о поцелуе, а уши, слегка заостренные на концах, придавали ему облик юного сатира, в нетерпении ожидающего первой оргии. Он помахивал бутылкой, зажатой в руке (кажется, это был джин), и она была уже почти пуста. Под взглядом множества глаз прекрасные губы вновь раскрылись и издали вопль, еще более жалостный, чем первый.

Стокер больно ткнул меня под ребра.

– Господи, ты смотришь на него так, будто в стране уже года четыре голод, а в комнату зашла филейная часть телянка, – пробормотал он.

– Он такой... эффектный, – тихо ответила я.

– Чванливый петух, – мрачно заметила Эмма Толбот. – Он явно хочет устроить здесь представление.

Как и предположила мисс Толбот, стоны не затихали до тех пор, пока он не привлек внимание абсолютно всех присутствующих. По собравшейся толпе пробежал шепоток предвкушения. Оставшись доволен тем, что наконец на него смотрят все, он медленно пошел к столу, слегка покачиваясь.

– Снова пьян, – заметила мисс Толбот.

– А кто он такой? – спросила я.

– Джулиан Гилкрист, портретист и сволочь, – ответила она.

Недолго думая Джулиан Гилкрист прошел к обеденному столу и взобрался на него. Он пробрался на середину стола, наступая на посуду и подсвечники, влез в миску с пуншем и начал обозревать комнату. Его ботинки оставили грязные следы на белой узорчатой скатерти, будто отпечатки пальцев неряшливого великана.

– А вот и мы, – начал он, подняв над головой бутылку, как фонарь.

Стокер хмыкнул.

– Что, черт возьми, происходит? Ему нужна всего лишь славная женская грудь, а он изображает тут из себя «Свобо-

ду, ведущую народ»⁸.

Эмма Толбот грубовато рассмеялась, этот смех напомнил мне лай лисы, но сама я прикусила губу.

– Ш-ш-ш... – тихо сказала я. – Если он это услышит, то ужасно оскорбится. Он явно думает, что ведет себя очень эффектно.

– От эффектных людей у меня уже зад болит, – парировал он.

Без дальнейших проволочек мистер Гилкрест принялся произносить хвалебную речь Артемизии. По крайней мере, так она начиналась, но уже спустя несколько предложений превратилась в обличение девушки. Он бранил ее способности, вкус, моральный облик и, несомненно, пошел бы в этом и дальше, но тут Эмма Толбот выступила вперед.

– Да замолчи наконец, Джулиан, – велела она. – Видит бог, я не была в числе ее обожателей, но таланта и человечности у нее было в два раза больше, чем у тебя.

– Гадюка! – взревел он, указывая на нее пальцем. – Ты гадюка, пробравшаяся в этот дом, лучше бы ты оказалась на ее месте! А может быть, еще и окажешься, – добавил он, наклонившись вперед, и чуть не свалился (но все-таки не свалился) со стола. Плакальщица у стены громко вскрикнула от ужаса и пошла в нашу сторону, но взгляд Эммы Толбот

⁸ Картина французского художника Эжена Делакруа (1830). В центре картины изображена женщина, одицетворение Французской Республики, за которой следуют представители разных социальных классов.

остановил ее на полпути.

Женщина послабее могла бы побледнеть после явной угрозы Джулиана Гилкрита, но мисс Толбот лишь насмешливо скривила губы.

– Ты злишься на меня только потому, что все это правда. Тебе никогда не стать и вполтину таким хорошим художником, как она, ты – мелкий прыщ!

Гилкрит собрался спускаться, но споткнулся о вазу в середине стола, и на пол полетел настоящий водопад из лилий.

– Проклятая стерва, – выкрикнул он, указывая пальцем на Эмму Толбот.

Я многозначительно посмотрела на Стокера, и он, вздохнув, одним движением сбросил сюртук, подошел к столу, схватился за скатерть и резко дернул. Миска для пунша, блюда, подсвечники – все полетело в воздух вместе с мистером Гилкритом. Он упал, звонко ударившись о стол своей красивой головой, и сразу же лишился чувств.

Стокер потянулся к нему и с легкостью забросил молодого человека себе на плечо. Затем он повернулся к мисс Толбот, которая смотрела на него, открыв рот от изумления.

– Куда его положить? – спросил Стокер обыденным тоном.

Она встряхнулась, приходя в себя.

– У него есть комнаты наверху. Я вам покажу.

Она поспешила из зала, Стокер последовал за ней, и последнее, что мы увидели, – это безвольно болтавшуюся го-

лову Гилкреста у него на спине.

Тишину нарушила плакальщица.

– Что-то здесь становится слишком весело, – сказала она, откинув с лица вуаль, и я увидела широкую улыбку. Потом она мне подмигнула. – Я Черри, работаю здесь горничной. Идем со мной, мисс. Пора познакомиться с хозяином.

Глава 8

Пока мы шли в зал для приемов, она обмахивалась концом вуали и стирала со лба капельки пота.

– Под этим нарядом изрядно жарко, – пожаловалась она. – Но хозяин специально попросил. Сказал, что от этого вечер станет более сол... Какое же там было слово? Похоже на «соленый».

– Солидным? – предположила я.

– Да, точно. Хозяин, он любит всякую такую обстановку, – сказала она с ласковой улыбкой. – И уж если он что делает, так делает все как положено. Мы взяли это напрокат у «Бантера и Видмана», – добавила она, указав на свой наряд. Я не слышала о таком заведении, но несложно было предположить, что это один из тех огромных складов-магазинов в траурном оформлении, что раскинулись повсюду, когда королева установила всеобщий траур после смерти своего мужа. Принц Альберт был мертв уже чуть не четверть века, но траурная индустрия и не думала идти на спад.

Горничная провела меня мимо статуи Эхо, и я увидела, что меня ждет джентльмен в батском кресле; в уголках его губ играла легкая улыбка. Хозяин дома сделал мне приглашающий жест рукой, и девушка удалилась на почтительное расстояние.

Как и было обещано, сэр Фредерик Хэвлок казался во-

площением силы, даже в нынешнем непростом состоянии. Руки были скрючены, как ветви старого дуба, но весь внешний вид говорил об энергии, лишь немного ограниченной обстоятельствами. Волосы и борода срослись в единое целое, сквозь серебряные локоны тут и там все еще проглядывали черные пряди, а из-под нависших темных бровей смотрели ясные пронизательные глаза. В нем было еще много силы, и я с удивлением поняла, что он разглядывает меня оценивающе – метким взглядом художника... и соблазнителя.

Кажется, выражение лица меня выдало, потому что он рассмеялся и махнул крючковой рукой.

– Дитя мое, вы в полной безопасности. Я уже много лет не могу в полной мере совратить женщину. Но я все еще способен оценить работу Великого мастера, создавшего столь прекрасное лицо, – галантно добавил он. – Если бы я был в состоянии, то немедленно велел бы вам раздеться и изваял бы вас в роли Галатеи, только что вышедшей из-под моих рук.

– Если бывы были в состоянии, я бы вам позволила.

Он вновь рассмеялся и жестом указал мне на подушку, примостившуюся на бордюре у фонтана. После выступления мистера Гилкреста все гости, кажется, разошлись по разным комнатам, и мы остались совсем одни в этом большом зале.

– Дитя, скажите мне ваше имя.

– Вероника Спидвелл.

– Вы друг Луизы, – кивнул он. – Она предупредила нас, что вы придете и попытаетесь выведать что-то в связи с этим

делом, с Майлзом Рамсфортом. Вы одна из этих редких птичек – леди-детектив?

– Нет, я профессиональный лепидоптеролог.

– Ничего себе! Образованная женщина. Вот уж точно интересное создание.

– Не более чем мужчина-художник, – ответила я.

– Полагаю, вы знаете, кто я такой?

В его ясных глазах блеснул огонек, и я легко представила себе его юношей, росшим при дворе русских царей в пышности и лени. В свое время он, должно быть, разбил не один десяток сердец, но даже и сейчас он больше всего напоминал мне величественно поседевшего старого льва. Может быть, он и шел к закату, но у жизни явно еще были на него свои планы.

– Да, знаю. Вы – хозяин этого дома.

Он всплеснул руками в притворном ужасе.

– Дитя мое, никогда меня так не называйте. Это звучит так, будто я лишь функция. Можете звать меня Фредериком, – сказал он так, будто оказывал мне удивительную почесть. Мне стало интересно, насколько быстро он отказывается от церемоний с гостями мужского пола, но в общем это было не очень важно. Как и Стокер, я умела пользоваться преимуществами, которые дала мне природа.

– А вы можете звать меня мисс Спидвелл, – чопорно ответила я.

Он громко рассмеялся, а затем кивнул на статую Эхо.

– Видите эту милую маленькую нимфу? Я создал ее за два месяца, зимой 1859 года. В тот год было очень холодно – ничего не оставалось, как только запереться дома и проказничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.